

Нырнуть без остатка

Автор:

[Катя Саммер](#)

Нырнуть без остатка

Катя Саммер

Мы из разных миров. У него есть все – успешная карьера в спорте, богатые родители и невеста с обложки модного журнала. У меня не осталось ничего, даже крыши над головой. Он быстрыми гребками рук собирается первым доплыть до олимпийского золота, а я мечтаю просто выжить. Нам нельзя, не нужно даже смотреть друг на друга, но судьба постоянно сталкивает нас. Что пытается доказать?

Катя Саммер

Нырнуть без остатка

Глава 1

Рада

Солнце заметно припекает. Ему нет никакого дела до того, что пришла осень. Уверена, мои щеки и плечи завтра будут красные, веснушки вылезут на носу. Но я по-прежнему не могу сойти с места и оторвать взгляд от моря, которое волнуется под порывами теплого ветра. Слишком давно я видела его в последний и единственный раз, когда наш детдом выиграл какой-то городской конкурс и младшие группы отправили в санаторий на все лето. Сколько мне

было? Девять?

Закрываю глаза и вдыхаю морской воздух. Вживую шелест волн звучит гораздо приятнее, чем из ракушки, которую я несколько лет хранила под подушкой. Пока ее не украли – иначе в нашем зверинце и быть не могло.

Ноги щекочет морская пена, я невольно улыбаюсь. Думаю о нем. Ему бы здесь точно понравилось. Мурашки пробегают по телу, как представляю, что мне когда-нибудь удастся. Я обязательно отвезу его к морю.

– Эй, кроха! – быстро возвращает с небес на землю громкий голос Иры.

Мы работаем вместе. Невероятно, но ей удалось найти ко мне подход. Я даже не заметила, когда случилось так, что мы стали дежурить вместе. Не поняла, когда привыкла к тому, что ее муж забирает нас из столовой, где мы иногда завтракаем по утрам, и везет домой. Уже не помню, когда перестала возражать – я ведь живу в противоположной стороне.

У семьи Пустовых явно талант, потому что сопротивлялась я этой поездке не одну неделю. Они спокойно выслушали мои доводы, но в день икс почти силком затолкали на заднее сидение автомобиля, чтобы доставить к берегу Черного моря. Так я оказалась здесь, на Чемпионате России по плаванию, где муж Иры отвечает за безопасность.

Зачем им лишние заботы? Хотела бы и я знать. Кажется, этим двоим нравится возиться с девятнадцатилетней беспризорницей. Наверное, потому что они почти вдвое старше и у них нет детей. Но я все равно настырно не позволяю себе прикипать. Нельзя. Потом будет больнее.

– Помощь нужна! – кричит Ира, когда я оборачиваюсь и, щурясь от солнца, пытаюсь ее разглядеть.

Шагаю на песок, подхватываю потрепанные кеды и спешу к Пустовой. Та уже с утра при параде: с острыми стрелками и яркой помадой. Человек-праздник. И столько в ней искренней радости всегда, по-доброму завидую ее мужу.

– Что это за мешок на тебе? – окинув меня недовольным взглядом, выдает она.

Я опускаю глаза на безразмерную майку с логотипом и таинственной надписью «ВФП».

– Дали такую, меньше нет. Слушай, Ир, я все еще думаю, что это плохая идея.

– Божечки, она ж тебе почти до колен, – игнорируя меня, причитает та. Пытается заправить футболку спереди в велосипедки, но сдается. Слегка взбивает мне волосы над плечами и убирает челку с глаз, а затем смотрит так серьезно, что я невольно вытягиваюсь по стойке смирно.

– Отставить волнение. Я рядом. Делаем все вместе и вместе идем загорать, – Ира хитро подмигивает, – до старта девчонок у нас будет немного свободного времени.

Она ждет, пока я отряхну ноги и залезу в обувь, качает головой.

– Что?

Я хмурюсь, а Ира разглаживает большим пальцем морщинку между моих бровей и широко улыбается.

– Тебя, красавица, ничем не испортишь.

И как она подбила меня на это безумство? – Мысль с каждым шагом по пляжу отчетливее стучит в висках.

Я же ничего не знаю о плавании. Я даже плавать не умею! В детстве меня пытались научить, сбросив в бассейн, я так перепугалась, что больше и близко к нему не подошла. А теперь я на главных российских соревнованиях на открытой воде, это первый этап на пути к Олимпийским играм. У спортсменов здесь судьбы вершатся, что я тут забыла? Ира с мужем пытались объяснить, что должны делать «судьи при участниках», но я и половины не запомнила.

Вижу толпу пловцов у палатки, волнение захлестывает. Набираю больше воздуха, затем выдыхаю. Я не трусиха, справлюсь.

– Скажи хоть, что такое «ВФП»? – шиплю Ире на ухо и сцепляю пальцы за спиной, чтобы побороть дрожь.

– Всероссийская Федерация Плавания. Бери фломастеры, кроха, и рисуй, я займусь остальным.

Проношусь с опущенной головой мимо всей очереди, беру маркер, резким движением оборачиваюсь и скрещиваю руки на груди. В фокус попадает светловолосый парень со скучающим видом. Он стоит чуть в стороне и ни с кем не говорит. Гидрокостюм спущен до пояса, и там есть что оценить. Я таких только в кино видела. Но, прожив всю жизнь бок о бок с ребятами, давно перестала обращать внимание – мальчишки любят щеголять без маек. Мне интереснее глаза. Часто, едва взглянув в них, можно понять о человеке все. И я пытаюсь. Солнце засвечивает лицо, но я вижу короткую щетину на щеках и очерченный подбородок.

Парень оборачивается, и на мгновение его накрывает тень. А в следующее меня будто током бьет – я знаю, о чем говорю, много розеток в детстве собрала.

– Глаза сломашь, – выдаю в ответ на прямой взгляд. – Ну? Подойдешь или до вечера ждать будем?

Он не двигается, ни один мускул на лице не дернулся. Чертов камень. А у меня коленки от страха дрожат.

– Эй, это я тебе! – повторяю и для убедительности качаю головой.

Говорю громко и четко. В детдоме тихой быть нельзя – забьют. Да и работа обязывает не шептать.

Расправляю плечи. Я вообще не из робких, но из-за того, что семнадцать лет прожила в четырех стенах и мира толком не видела, новые места, люди все еще смущают.

– Кроха, не надо...

Что не надо, я уже не слышу, потому как делаю шаг вперед и едва не сталкиваюсь с обладателем серых глаз.

Слишком близко. Он стоит невозможно близко, возвышается, как скала. Я замираю, потому что передо мной совсем не мальчик. Он выглядит гораздо взрослее. Мужественнее. Его волосы заметно темнее, чем казались при ярком свете, брови гуще. Все черты резкие, как и острый взгляд, что царапает, пока меня без стеснения осматривают с головы до ног и, кажется, не находят ничего интересного.

Он шагает к столу и поворачивается спиной. Вокруг становится тише или я выдумываю?

Отбрасываю мысли, снимаю колпачок с черного маркера.

– Фамилия?

Никакой реакции.

– Горский это, – шепчет на ухо Ира.

ЧСВ у парня зашкаливает, судя по манерам. Ну и ладно. Просматриваю фамилии в документах, нахожу его номер и молча тянусь, чтобы промаркировать спину. Правда, приходится потрудиться – недружелюбный Никита, как значится в списках, еще и очень высокий. Ну или я с ростом метр шестьдесят слишком маленькая.

Медленно вывожу номер пятнадцать на правой лопатке – выходит неровно, но я же впервые рисую на живом человеке. А еще я постоянно отвлекаюсь, потому что у него загорелая кожа и широкие плечи – за ними можно спрятать не только меня. Не знаю, зачем все это подмечаю. Бред. Но когда перехожу на левую сторону снова лишние пару секунд рассматриваю родинки, которые напоминают кривое облако. С фантазией у меня все хорошо, я давно научилась представлять конфету вместо того же подсолненного риса, которым питалась последние пару лет.

После спины нужно разрисовать еще плечи и ладони, а для этого – обойти «номер пятнадцать» и во всей красе предстать перед ним. Я прячу улыбку, сосредотачиваюсь, даже хмурюсь немного. Пытаюсь выглядеть серьезно и не пялиться на мелкие шрамы, которые покрывают его руку чуть ниже локтя. И выше. Да все руки.

Не удерживаю равновесие на носочках и чуть падаю на того самого Горского. Маркер скользит неровной линией вниз, я одергиваю ладонь и тотчас пытаюсь исправить все. Слишком усердно. Серые глаза уже смотрят на меня со злостью и раздражением.

– Долго еще?

Голос мягче, чем я ожидала, но он все равно похож на жуткую злобную ледышку. От него веет холодом даже в такую жару.

– Будет быстрее, если наклонишься, – огрызаюсь ему под стать.

Не отвечает. Снова. И конечно же не помогает. Наблюдает вполоборота, а на лице желваки ходят.

Я подбираюсь и спешу закончить с ладонями. Хорошо чувствую опасность, а сейчас моя защита выдает сигнал тревоги.

– Все, – говорю, отступая в сторону, но он отворачивается быстрее.

Забирает из рук Иры чип, табличку на шнурке, которую та по-умному зовет аккредитацией, и удаляется прочь. Плевать хотел на то, что у него должны проверить длину ногтей, костюм и шапочку.

Ну и придурок.

На смену приходят другие ребята – более приветливые. Улыбаются, даже шутят, но я забираюсь в панцирь и лишь изредка киваю в ответ.

Когда крайний пловец покидает палатку, вздрагиваю от прикосновения.

– Ну ты чего? – Ира гладит меня по плечу.

Не успеваю ответить, потому что мимо проходит девочка, которая помогала маркировать парней, и толкает в бок. Да что со всеми, а?

– По сторонам смотри! – не сдерживаюсь я.

– Не обращай внимания на Аллу, – успокаивает Ира, – она в Горского влюблена, сколько ее помню. Тут все привыкли, что она его маркирует.

– Ну а я при чем? – искренне недоумеваю.

– Обожаю тебя, девочка моя.

Ира сгребает меня в объятия. Все время нарушает личное пространство, но я не могу сопротивляться ей.

– Пойдем соберем всех, дождемся старта и... – она смешно пританцовывает, – я покажу тебе такое место! Мечта! Там даже можно загорать топлес.

Глава 2

Рада

Звучит протяжный сигнал, пловцы устремляются вперед. Ловлю себя на мысли, что за всплесками воды и взмахами рук высматриваю номер пятнадцать. Сразу отвожу взгляд.

– Мы свободны? – спрашиваю у Иры.

Сейчас я с большей охотой окажусь в том месте, где она собиралась загорать без купальника. Даже это наводит ужас меньше, чем очередная мысль о ледышке. Насмотрелась уже, как он, забив на всех и не дослушав представление, вышел на старт. И чем, интересно, звание заслуженного мастера

спорта заработал?

– Конечно, – отвечает Пустовая. – Девчата, вы с нами?

Собрав всех желающих, мы недолго идем в гору и уже скоро оказываемся на возвышенности, откуда нас не видно. Ира спешно сбрасывает одежду и просит развязать ей лямки на шее. За ней повторяют другие дамы – разных возрастов и комплекций. Я даже радуюсь, когда Алла не следует их примеру, но радуюсь недолго. Она подсаживается ко мне и гордо задирает подбородок.

– Ты к Никите не лезь.

– Чего?

Такой подачи я точно не ожидаю.

– Если ты рассчитываешь на что-то, спешу огорчить – у него невеста есть.

– Ой, справочное бюро запело, – смеется Ира. – Тебе, Аллочка, это никогда не мешало на него вешаться. Сама же говорила, он с невестой раз в полгода видится.

– К чему вообще этот разговор? – недоумеваю я.

– С Аллочкой все разговоры сводятся к Горскому.

Алла демонстративно отбрасывает на спину длинные светлые волосы и громко цокает.

– Найди ты уже себе нормального мужика, – встревает еще одна женщина, имени которой я не знаю. – Если он на модели своей не женился за десять лет, зачем ему ты нужна? Он в твою сторону даже не смотрит.

– Зато на Радку нашу как смотрел! Глаз отвести не мог! – встревает Ира, и впервые мне хочется ее стукнуть.

– Тебе показалось. Он просто злился, что я долго возилась. Шипел на меня.

– Он с тобой говорил? – удивляется Алла, широко распахнув глаза.

– М-м, да, у него же язык есть. Он умеет говорить.

На этом диалог сворачивается. Аллочка встает и уходит на край выступа, подставляет лицо лучам солнца, а я наконец выдыхаю. Еще проблем с фанатками мне не хватало. Стягиваю огромную футболку и в купальнике, который одолжила мне Ира из старых запасов, заваливаюсь на подстилку. Даже засыпаю ненадолго.

Ближе к полудню солнце печет беспощадно. Накрыв майкой голову и лоб, я переворачиваюсь на живот. Вокруг обсуждают соревнования и организацию. Мелькают неизвестные имена, много имен. Но вслушиваюсь я только при упоминании Горского.

– Да для золотого мальчика эти пять километров – просто разминка. Конечно выиграет. А толку-то? Если опять пройдет все этапы с лучшим временем, а квалификацию на Олимпиаду завалит. Дважды было уже. Дал бы дорогу молодым, ему тридцатка скоро.

– И что? – вмешивается Алла, не удержавшись от комментариев. – Он в отличной форме. Возраст в плавании никогда не был помехой.

– Особенно с таким папочкой, как у него.

Девочки смеются, перемывая кости Горскому и его семье.

– Поэтому «золотой»? Из-за отца? – повернув голову, тихо спрашиваю Иру.

– И поэтому. И потому что, если выигрывает, то золото.

Золотой.

Повторяю еще раз про себя, но это слово никак не вяжется с образом в голове. Холодный, ледяной – вот, что ему ближе.

– Расслабься, – слышу я шепот под боком спустя время.

Прошло немало времени, судя по тому, что девочки допивают бутылку сидра.

– Не переживай, за ним присмотрят. Он уже взрослый мальчик.

Я понимаю, о ком говорит Ира, и мне становится стыдно, что вместо этого думала о незнакомом парне, который слишком резко со мной обошелся. Злюсь на себя. Я уже собираюсь уйти и тянусь за майкой, когда у одной из женщин начинается трещать рация. Передают, что участнику номер пятнадцать понадобится срочная медицинская помощь. Все замирают на миг.

Аллочка подрывается первой, остальные за ней. Я на автопилоте повторяю движения.

Мы возвращаемся одновременно с тем, как лодка «скорой помощи» – если я правильно понимаю из суматошных разговоров – подплывает к плоту кормления. Алла бросается в толпу, Ира что-то обсуждает с суровым мужчиной. Все суется, машут рукам, кричат. А я растерянно стою на месте.

Замечаю, как парень рядом выводит напротив фамилии Горского в списке три английские буквы.

– Что это значит? – киваю на запись.

– Do not finish, – объясняет он. – Не финишировал.

Гул нарастает. Голова сама поворачивается в сторону, и я неосознанно открываю рот, шокированная увиденным. Подаюсь вперед и замираю у дорожки. Лицо Никиты в крови. Врач вытирает ее раз и два, но она снова и снова проступает из разреза над бровью.

Горского окружают тренеры, судьи, все подряд, но он вырывается. Почти рассекая воздух, проносится мимо. Не смотрит ни на кого, не слышит, как зовут. Со злостью бросает очки в песок и размашистым шагом мчит вперед.

Женщина с аптечкой нагоняет его у дальних палаток. Не без помощи подоспевшего тренера Горского усаживают на стул, закрывая от зевак. От меня. Я больше ничего не могу разглядеть.

– Как он все-таки похож на актера, который играл в фильме... блин, ну где фракции все эти были – одержимые там, дружные, – слышу обсуждения за спиной. – Как считаешь, шрамы красавчика не испортят?

Люди все-таки жестокие существа. Эгоисты. Никому нет дела до чужих проблем, каждый думает лишь о себе. Я нигде не вижу искренности, вокруг одна фальшь. Девочки смотрят на Горского как на лакомый кусок мяса, окружают его, лишь бы оказаться чуточку ближе и урвать себе внимания. Участники других заплывов глядят с надеждой, что избавятся от сильного соперника. Тренер – с досадой и разочарованием. На самого Горского всем плевать.

Хорошо, что и до меня никому нет дела. Пока никто не видит, я поднимаю плавательные очки, перепачканные песком и кровью. Смотрю на них и не понимаю – в голове не укладывается. Они разбиты. Будто от сильного удара.

Парень, перебирающий бумажки, бросает в мою сторону беглый взгляд.

– Разве так бывает? – в полном недоумении спрашиваю его.

Он лишь пожимает плечами.

– Контактный вид спорта. И не такое видел, когда одновременно много пловцов стартует. Даже в разорванных костюмах приплывают.

Я смотрю вдаль на спортсменов, которые завершают финишный круг. А потом замечая, как в лодке сопровождения спорят двое. Да так яро, будто готовы вцепиться друг в друга.

И что все это значит?

Рада

Жизнь идет своим чередом. Уже через пару часов о Горском никто толком и не вспоминает. Лишь две милые, но совершенно бестактные девушки обсуждают, выйдет ли тот послезавтра на заявленную дистанцию и следует ли утешить раненого бойца.

– Зная Никиту, я бы не приближалась к нему как минимум... да вообще не приближалась бы! – смеется одна.

– А вот я бы приблизилась. Желательно вплотную. Красивый гад все-таки!

Я закатываю глаза и отхожу подальше от сплетниц. Мне нет никакого дела до торжественной церемонии открытия, теории заговора на соревнованиях, я не ищу веселья или случайных связей.

– Ир, – зову Пустовую, – можно я на награждение не пойду?

Знаю, что мое присутствие необязательно. И без меня желающих поднести медали с дипломами полно.

– Все хорошо?

– Да, в порядке. Наверное, перегрелась немного. В сон клонит, – говорю почти правду.

– Конечно, иди отдохни. Набирайся сил, вечером ты мне нужна. Мы хорошенько оторвемся!

Я киваю и сдержанно улыбаюсь. Не хочу заранее расстраивать Иру, хотя для себя уже решила, что никуда не пойду. Не после того, как она все уши прожужжала о важных мужчинах из руководства, которых для меня присмотрела. Неугомонная.

Уклоняясь от мимолетных и ненужных касаний, плетусь по кривой дорожке, пока не оказываюсь на пустынной площадке перед летними домиками, где живут

судьи и некоторые участники. Отсюда хорошо видно бескрайнее море. И здесь спокойнее. Мне всегда спокойнее одной.

Наверное, я никогда не привыкну: к нормальному общению, к людям, близости. Я выросла в детдоме и не знала родителей, меня подкинули в дом малютки. За всю жизнь никто не объявился, хотя это даже к лучшему – не было места разочарованию.

Сама я никого не искала и ничего не ждала. Все дети мечтали об усыновлении, а я в двенадцать лет поняла, что не нуждаюсь в приемной семье. Я ни разу не разочаровывалась в друзьях, потому что всегда держалась особняком. Девочки у нас чаще дружили не с кем-то, а против кого-то. Однажды даже против меня пытались, но я не зря с тринадцати занималась борьбой – сумела дать отпор. И парням тоже.

Меня сторонились, потому что я всегда была немного другой. Не принимала за данность то, что мы имели, находила язык с воспитателями. С четырнадцати уже мыла полы за деньги и знала им цену. Я убиралась в доме нашей бухгалтерши, которая почти жила на работе. Взамен она учила меня готовить, ухаживать за собой, вести быт. Потому что – да, мы жили в хороших условиях, были сытые и одетые, да, нас не обижали воспитатели. Но никто, совсем никто не учил нас быть женщинами, с умом тратить деньги, платить за квартиру. По итогу многие ребята выпускались слепыми котятками.

Я серьезно. Можете не верить, но я часто видела, как перед уходом плачут суровые парни, что держали в страхе весь детский дом. Плачут, потому что боятся вступать во взрослую жизнь, боятся неизвестности. Потому что больше никто не будет решать за них проблемы, одевать, кормить и обеспечивать. Не раз видела, как они же, потерянные и перепуганные, возвращаются, так и не устроившись в большом мире.

Я была не похожа на них, потому что мечтала о самостоятельности, стремилась к ней. Я догадывалась, что меня ждет. Наизусть выучила Диккенса, чтобы четко помнить: Оливеру Твисту повезло, в жизни так не бывает.

Я очень хотела верить, что справлюсь, но все равно оказалась не готова.

Честно признаюсь, я чувствовала себя львом из зоопарка, которого выпустили в прерии. Львом, который не умеет охотиться, ни на что не годен и медленно чахнет под палящим солнцем. Замерзая в маленькой холодной комнате, которая досталась мне от государства, я иногда не верила, что и завтра смогу бороться за свою никчемную жизнь.

Знаете, где находила силы? На пятом этаже общаги, где комнаты в основном принадлежали детдомовским. Представляете атмосферу, да? Большинство ребят сдавали их за копейки в аренду, а сами втроем-вчетвером ютились на семи квадратах и пропивали – хорошо, если пропивали – деньги. Через день устраивали мордобой. На общей кухне всегда стояла вонь, потому что они не знали, какие продукты нужно хранить в холодильнике и морозилке, а еще – что нужно выносить мусор. И не пытались узнать. А я отчетливо понимала, что не хочу, как они. Было невероятно сложно, но я нашла работу и наметила какую-никакую цель.

Было! Мне до сих пор сложно. Даже если не брать в расчет денежный вопрос – моя вечная боль. Я и сейчас учусь. Пытаюсь разобраться в адресах и телефонах: куда и к кому бежать, чтобы решить вопрос с долгами по электричеству и неработающей с прошлой зимы батареей. Привыкаю к тому, что у меня есть выбор – да хотя бы какую кашу на ужин сварить, к тому, что несу ответственность за каждое решение. И все равно перед сном по привычке жую хлеб, укрывшись одеялом с головой.

Бурный поток мыслей уносит меня далеко-далеко. Забывшись, я не понимаю, что заставляет обернуться, пока не различаю знакомые черты движущегося силуэта. В один миг прихожу в себя, убираю челку, немного щурюсь – солнце по-прежнему спит, да и глаз у меня не самый зоркий. И все-таки я права. Никита Горский резким, размашистым шагом идет прямо к...

Картинка быстро складывается. Блин, дел же наворотит! Может, он пьян? Ненавижу пьяных.

Пока думаю, тот преодолевает половину пути, подхватывает камень и со всей силы швыряет в окно. Хорошо, что промахивается.

Хочется развернуться и уйти. Не вмешиваться и оставить все как есть. Это не моя судьба, не мои проблемы. Мысленно шлю Горского далеко и надолго, на

деле же тараном сбиваю с намеченного курса и толкаю его за дом как раз в ту секунду, когда на крыльцо кто-то выходит. Кажется, двое.

Неожиданное появление играет мне на руку: пока Горский складывает два плюс два и только подумывает вырваться, я сжимаю его запястье и разворачиваю лицом к стене.

– Тормози, Терминатор.

– Не лезь, – громко рычит он.

– Да тише ты! – шикаю, вслушиваясь в разговор.

Едва ли можно разобрать половину слов, только отрывки. Вроде «ты же все видел», «не боишься идти против них» или «его отец так просто не оставит». Для меня все запутано, зато Горскому понятно. Он стискивает челюсть от злости и явно жаждет крови. Но даже когда диалог стихает, мы по-прежнему стоим в той же позе – прижатые друг другу. Точнее, он – к стене, а я – к нему.

Осознав это, сразу отскакиваю на полметра и прячу взгляд. Не могу смотреть на свежий шов прямо у него над бровью. Скулы сводит и во рту привкус железа появляется. Иногда моя фантазия слишком усердствует там, где не надо.

Горский наигранно потирает запястье. Уверена, ему не больно, вон ручищи какие! Явно намекает, что недоволен.

– Ты.

Кажется, пора уносить ноги. Потому что жар, с которым он выплевывает короткое слово, чувствуется на расстоянии. Потому что его ноздри раздуваются, как у свирепого животного. Но все это цветочки по сравнению с глазами. Уверена, в этих серых льдах можно насмерть замерзнуть.

– Кто ты, черт возьми, такая?

Значит, слов благодарности не будет? За то, что я его от дисквалификации спасла, например. Нет? Ну ладно.

– Стой!

Он двигается следом за мной и даже пытается схватить за локоть, но я вовремя ускользаю.

– Чего тебе? – спрашиваю как ни в чем не бывало, подперев руками бока.

Знаю, что провоцирую, но меня чертовски бесят неблагодарные люди.

Горский тяжело дышит, сжимает кулаки, разжимает. Он смешно двигает губами, а я улыбаюсь, когда замечаю бесконечно долгий выдох, после которого он вроде бы расслабляется. По крайней мере, тугие веревки его вен растворяются под кожей.

– Как тебя зовут, ненормальная? – совершенно другим тоном выдает он.

Странно. Если закрыть глаза – ладно, надолго закрыть глаза, можно даже представить на его месте доброго и симпатичного парня, а не злобную ледышку. Потому что смотрит он на меня все еще взглядом убийцы.

– Зачем тебе?

Он усмехается? Наверное, показалось – губы вроде бы прямые, без намека на улыбку.

– Должен же я знать, кого стоит обходить за километр.

– Ой, да пошел ты!

Я разворачиваюсь, набирая полные кеды песка, и уже делаю несколько шагов, когда меня догоняет требовательное «я так и не услышал ответ».

Иди, иди! – умоляю себя. – Не оборачивайся, просто иди!

– Рада, – все же негромко бросаю через плечо.

Блин.

Горский сильнее хмурит брови и тут же крепко ругается от боли, касаясь лба. Вот же дурак, грязными руками!

– Чему ты рада? – не без раздражения произносит он.

– Имя мое – Рада.

Нет, все же то была не ошибка. Я ловлю ее снова – ухмылку на ярких губах, которая в этот раз задерживается чуточку дольше. Ловлю и тотчас чувствую неловкость. Спешу отвернуться и сбегать. Пусть думает, что у меня миллион дел. Которые совершенно точно подождут, но ему об этом не нужно знать.

– И быть вежливой тебя, девочка Рада, родители не научили, – доносится вслед громкий и, кажется, шуточный упрек.

– Нет, я выросла в детдоме! – кричу, прежде чем спуститься к морю.

Глава 4

Никита

Как только тихий вечер с командой грозит перерасти в грандиозную тусовку, я беру из холодильника закрытую бутылку пива и прокладываю дорогу на выход. Каждый метр меня приветствуют, зовут и даже обнимают, будто мы давно знакомы. Кто все эти люди?

– Ник, ты в порядке? – ловит меня за порогом Романов.

Один из тех, кому правда не все равно. Он смотрит серьезно и трезво – ему завтра эстафету плыть. Похож на меня, только зеленый еще. Я киваю, Валера хлопает по плечу.

Плетусь в сторону пляжа, подальше от всего живого. Сбиваю пробку о забор, который огораживает спуск к морю. Пнув ее, делаю глоток, а потом кривлюсь и выбрасываю пиво в урну. Не мое. Не умею я так расслабляться. Особенно когда отовсюду звучит это бесящее «остынь», «забей, бро», «отпусти ситуацию». Еще больше бесит.

Да плевать мне в самом деле на эти пять километров. Я и поплыл-то, чтобы размяться. Последний раз я тренировался в бассейне, а здесь до старта успел окунуться в море всего на полчаса. Для меня вся суть в дистанции на десятку – та идет в зачет отбора на Олимпиаду. Но факт грязной игры бесит жутко.

Парней не виню, что с них взять? Амбиции выше крыши. Они готовы на многое, чтобы пролезть вперед. Каждый сам для себя устанавливает рамки дозволенного. Вот только я же знаю, что нарушение зафиксировали! Знаю и ничего не могу сделать. Не моя война.

Бесит, что прошлое решает за меня. Отец многим жизнь подпортил в свое время, сколько раз я расхлебывал за ним. Он ведь тоже был пловцом. Многообещающим. Пока случайная авария не поставила крест на карьере.

Почему отец выбрал меня, а не Севу – моего старшего брата, и одержимо бился со мной за каждую золотую медаль, никто не понимает. Даже я. Это ведь Всеволод у нас идеальный сын, образчик Горских – успешный бизнесмен и будущий преемник семейного бизнеса. Но участь исполнить несбывшуюся мечту Игоря Владимировича – завоевать победу на Играх – досталась отчего-то мне. И он меня ей заразил. Эта мечта проросла в сердце и затмила все другие цели, но теперь и для меня может остаться только мечтой. Я ведь решил: эта попытка – последняя. Если и сейчас не пройду отбор, больше биться не буду. Бывает, что просто не суждено.

Мысли устремляются не туда. Я убираю руки в карманы, бреду, поглядывая на тусклую луну и небо без звезд. Плохо, когда теряешь ориентиры. Раньше помню и с рваной раной от молнии гидрокостюма на шее выигрывал чемпионаты. Бился до последнего, даже если не было надежды, в полубессознательном состоянии финишировал. И видел смысл во всем этом. А сейчас...

– Как он? – слышу сквозь туман в голове.

Я останавливаюсь перед понтоном, чтобы понять откуда звук. Вглядываюсь: место не освещено, толком и не разберешь кто там. Но голос женский.

– Поцелуешь его? Ну пожалуйста!

Подхожу ближе к камням и замечаю темный бесформенный силуэт.

– Иди ты! Я тебе их оторву, а не поцелую!

Чуть вздрагиваю от резкого тона и легко узнаю ту ненормальную.

Когда глаза привыкают, разбираю в потемках черную толстовку, из которой торчат тонкие руки. Девчонка сидит в одиночестве на камнях, она кажется мелкой и хрупкой, но я знаю, что это не так. Обманчивое впечатление. Помню, с какой силой влетела в меня – как шар для сноса зданий.

Я спускаюсь к воде и подхожу к ней со спины. Она до сих пор болтает, рычит на кого-то. Не хочу напугать ее. Слегка касаюсь плеча, чтобы дать о себе знать, но она резко оборачивается и перехватывает запястье.

– Блин! – ругается девчонка, уронив телефон.

Она отпускает меня, высматривая его на песке. Я поднимаю и передаю ей кнопочную трубку – старую такую, как в детстве. Не думал, что они еще существуют.

Она смотрит на черно-белый экран, затем блокирует и убирает телефон в передний карман толстовки, где следом прячет руки.

– В детдоме такой реакции научилась? – спокойно спрашиваю и опираюсь на камни.

Вопрос ее не смущает. Она держит лицо, не хмурит брови – вообще не проявляет эмоций, только пожимает плечами и кивает.

– Иначе можно было проснуться в зеленке. В лучшем случае, – отвечает бесстрастно, только сильнее подтягивает ноги к груди.

Несмотря на жаркий день, ближе к ночи на улице по-осеннему холодно.

– Ты пришел сказать спасибо? – вопрос застает меня врасплох.

Требуется время понять, что имеет ввиду.

– Нет, – отвечаю, усмехнувшись. – Я все еще считаю, что ты влезла не в свое дело.

Да, в теории та выходка могла стоять мне главного заплыва. Но я бы не полез, если бы не был уверен в том, что справлюсь. Этот Марфин, судья, – трус. Только за спиной подлянки делает, очную ставку он бы не выдержал.

– Пф-ф, до свидания, – выдает она и в один миг поднимается.

Карабкается по камням вверх – забавно, но так уверенно. Пока на полпути у мартышки не соскальзывает нога. Девчонка теряет равновесие и рискует расквасить себе нос, но я успеваю схватить ее под мышки и стащить вниз.

Опустив на землю, я все еще сдавливаю ее в руках. Если бы не теплая кофта, мои пальцы бы сомкнулись – такая тонкая у нее талия.

– Рада, – произношу ровно, – твоя фамилия не «Несчастный случай»?

Наверное, это попытка пошутить. У той вместо глаз – два темных колодца. А днем они казались ярко-голубыми.

Сначала девчонка немного напрягается, я чувствую, как пальцы вдавливаются в мои плечи. Но уже скоро опускает руки и все с тем же равнодушным лицом Рада отступает на шаг.

– Галл. Моя фамилия. А ты данные собираешь на меня?

– Рада Галл, – пробую я на вкус, – это из Стругацких[1 - Рада Гаал – героиня фантастической повести «Обитаемый остров» братьев Стругацких]?

Она щурится и склоняет голову на бок.

– Кто-то умеет читать?

Я с вызовом задираю бровь.

– Вот ты какого мнения обо мне.

– Нет у меня о тебе никакого мнения, – язвит в ответ. – И, кстати, я Галл, а не Гаал. Нянечка, которая дала мне фамилию, видимо, только краткое содержание читала.

– Кроха! Ты тут? – раздается где-то за спиной.

Девчонка замолкает, сдувает челку с лица и быстро обходит меня. Но Ира, жена Кости Пустового, без которого не проходят ни одни соревнования, уже спускается к нам. Веселая и, кажется, хмельная. Она широко улыбается, пока не замечает меня.

– Привет, – здороваюсь я.

Ира теряется, но ненадолго.

– Здра-авствуй, Никита, – тянет она, а затем переводит взгляд на Раду. – Хотела позвать тебя с нами, чтобы не скучала, но тебе тут точно не до скуки.

– Он уже уходит, – говорит девчонка, даже не глядя в мою сторону.

– Все я поняла, – Ира показывает, что закрывает рот на замок, – никому не скажу, что видела вас. Оставайтесь!

Подмигивает, целует девчонку в макушку, машет мне и исчезает так же внезапно, как объявилась.

– Тебе лучше уйти, пока нас не увидел кто-то еще, – произносит, а смотрит по-прежнему в другую сторону. – Ира не скажет, что...

– Не нужно решать за меня.

Могу поклясться, что она выдыхает, когда я обхожу ее и будто бы оставляю одну, но я намеренно сворачиваю на понтон. Возвращаться в номер до полуночи бессмысленно, вечеринка там в самом разгаре. Да и не усну я, точно знаю: здравствуй, тысяча и одна мысль! Еще Лиля будет звонить. Она обычно просыпается после полудня по нью-йоркскому времени.

Я сажусь в конце моста и просто наблюдаю за водой. Здесь тихо и спокойно – то, что нужно сейчас. Тишину нарушает лишь шум моря и... звуки шагов?

Да, девчонка почти крадется, но я все равно ее слышу. Чуть медлит, опускается рядом, свешивает ноги. Когда ее руки упираются в доски, обращаю внимание на пальцы – изящные, без лака на ногтях.

– А если увидят? – передразниваю я.

– Как-нибудь переживу.

Ее общество не вызывает у меня отторжения. Хочет сидеть – пусть. Скорее всего, волны с камней согнали. Ветер поднялся, вот и пришла... как там ее Ира звала? Кроха?

Из-за маленького роста, тонких запястий и круглого лица – и еще этой стрижки короткой из пятидесятых – ей может быть и пятнадцать, и тридцать одновременно. Особенно дружба с Ирой карты путает.

Когда море начинает неистово биться под деревянным настилом, девчонка подбирает под себя ноги. А когда брызги летят в нее, крепче цепляется за понтон. Аж костяшки белеют. Боится явно, но ничем другим себя не выдает.

Странная она.

– Это я на тебя страх навожу?

– А?

Киваю на сжатые намертво кисти.

– Я плавать не умею.

– Здесь неглубоко.

– Но есть течение. Волны. Ты.

– Я?

– Мы едва знакомы. И ты выпрашиваешь у меня информацию. Подозрительно.

Не сдерживаю улыбки.

– И как тебя в наши края занесло, а? Девочка Рада.

– Надеюсь, вопрос риторический.

Ухмыльнувшись, я откидываюсь чуть назад и опираюсь на руки. Молчу. Не минуту и даже не десять. Давно я не молчал ни с кем.

Глава 5

Рада

Я достаю зажигалку и выдыхаю клубы дыма. Мы все еще вдвоем, все на том же месте.

– Не против? – произношу первые слова за... сколько мы уже здесь?

Горский смотрит на меня без ответа. Так пристально, что хочется прожевать сигарету и больше никогда не притрагиваться к ней. Но я настырно продолжаю, глядя на него через туманную поволоку, пока тот не отворачивается. Незаметно

расплываюсь в улыбке.

Многие скрывают, что выросли в детдоме. Я – никогда. Так на подступах к моей зоне комфорта отсеиваются люди. Большинство. Да почти все. Не знаю, что отталкивает их, но даже те, кто поначалу казался дружелюбным, постепенно сводят общение на нет. А я просто экономлю время – и свое, и других.

Когда я впервые сказала Горскому о детском доме, то полагала, это наш последний разговор. Где он и где малолетка из приюта, какой многие меня считают. Когда я увидела его во второй раз, решила, что он не расслышал или страдает амнезией. А тот с ходу обозначил, что все прекрасно помнит и понимает.

Я не стремилась найти компанию, но на понтоне было суше. Да и Горский не настолько противен, чтобы его избегать.

Тушу и прячу окурок в пустую коробку. Лимит затяжек исчерпан. Две сигареты в неделю – все, что могу себе позволить. В мой скромный бюджет не входит никотиновая зависимость.

– Едва знакомы? – спустя время разрезает тишину голос с хрипотцой.

– То, что я знаю твое имя, не делает тебя более знакомым.

– А что делает?

Его глаза блестят в ночном свете. Сейчас в них ничего не разобрать, но голос у Горского такой же спокойный и плоский.

Если он думает, что я стушуюсь, его ждет разочарование. Я смотрю на закатанные рукава фирменной ветровки. Точнее, ниже.

– Откуда у тебя шрамы?

Мне было интересно утром, и сейчас интерес не угас. А я привыкла удовлетворять любопытство.

Горский даже бровью не ведет: снова безразличный взгляд, снова прямые губы. Он только слегка чешет щеку, покрытую щетиной, прежде чем заговорить.

– Первенство в Египте. Было очень мелко и очень много ракушек. И очень хотелось выиграть. Есть еще шрамы, показать? – похоже на провокацию.

Губы плохо слушаются, но я заставляю себя выдавить глухое «да» и вижу насмешку в заломе бровей. Горский впервые за все время улыбается. Не глазами, но губы и правда красиво складываются в улыбку. Он светит ровными зубами и задирает штанину, хвастаясь тонкими полосками на голени.

– Бутылки в Дону и спор на пять тысяч.

Он тычет выше колена на стянутое пятно.

– А это медуза в Карибском море. Достаточно подробная экскурсия? – спрашивает вроде бы шутливо, а в следующую секунду снова серьезен как никогда. – Ты сказала, что фамилию тебе дали. А родители? Ты хоть что-то о них знаешь?

Я мотаю головой.

– О ком-нибудь из родных?

– Нет.

– Пыталась искать?

– Нет, – отвечаю резче.

– Почему?

– Потому что не хочу, – сдерживаюсь, не договаривая сразу, но на выдохе добавляю: – Не хочу разочароваться. Что бы там ни было, я не имею права их осуждать.

Прикусываю язык, потому что выдаю слишком личное. Он тоже замолкает.

– Почему тебе это интересно? – спрашиваю скоро Горского.

Люди спрашивают о многом. Но о том, искала ли я родителей, – никогда.

– Есть вещи, которые тяжело представить.

Разговор дальше не клеится. Мы оба не хотим углубляться в детали, оба не стесняемся задавать прямые вопросы. Каждый ловит волну и плавает в собственных мыслях.

Я чуть вздрагиваю, когда тишину пляжа нарушает залиvistый смех. Смотрю в сторону, откуда доносятся голоса, а после и мелодия гитары. Там своя вечеринка, на нас никто не обращает внимания.

Я знаю эту песню – про ночь, стоны и страдания скорпионов[2 - Имеется в виду песня «Ночь» исполнителя Горький], сама не замечаю, как начинаю подпевать. Замираю, только когда на откровенной фразе встречаю взгляд Горского. Холодный, кажется, даже бездушный и при этом пронзительный до дрожи. В его глазах явно запаяны магниты, иначе не могу объяснить то, что происходит.

Музыка стихает, но продолжает играть в голове. Я совсем не моргаю, глаза печет. Не моргаю, потому что боюсь. Боюсь закрыть их и даже на миг представить то, о чем думаю сейчас. Нельзя. Глупые мысли.

Я слишком долго не дышу и давлюсь воздухом. Из легких вырывается странный хрип, который портит магию. Я возвращаюсь на землю откуда-то из космоса. Мысли восстанавливаются в логические цепочки и приводят к одному-единственному выводу: мне здесь не место.

Не успеваю я открыть рот и даже пошевелиться или встать, Горский резким движением скидывает верх вместе с майкой. Я пытаюсь подобрать слова, но чертовски теряюсь.

– Поплывешь со мной? – пререзает ночь его голос.

– Нет.

– Тогда приятно было познакомиться, девочка Рада.

Он стягивает штаны и ныряет с понтона вперед. Я долго вглядываюсь в пустоту, чувствую, как в ожидании замедляются удары сердца.

Когда Горский выплывает, я уже едва могу его различить. Небольшая точка вдали по имени Никита.

– И мне, – шепчу в пустоту. – Наверное.

Глава 6

Рада

Я всегда чутко сплю. Ночью не ощущаю себя в безопасности. Наверное, это из детства. И нет, ничего страшного со мной не приключалось, но детский дом после заката представляет собой мало приятного. Не в интересах ночных воспитательниц с их зарплатой заниматься педагогикой. Особенно со взрослыми парнями, которые чувствуют себя хозяевами положения.

В общем, просыпаюсь я обычно с рассветом или от любого шороха. Но не сегодня. Сегодня сплю до победного. Ире даже приходится будить меня настырным стуком, потому что телефон, как всегда, на беззвучном. Почти на ходу умываюсь и чищу зубы. Не представляю, что могло мне сниться и так крепко держать за гранью реального: едва открыла глаза, образы ускользнули.

День эстафетных соревнований пролетает незаметно. Сегодня все организованнее, живее. Людей больше, работа слаженнее. Правда, при этом и жарче намного – солнце явно спутало осень с летом. Я устаю сильнее, чем раньше, и сбегая при первой возможности. Ближе к вечеру, когда народ рассеивается, быстро окунаюсь в море у берега и перекусываю с Ирой в столовой. От продолжения банкета отказываюсь. На этот раз Пустовая не настаивает, кивает и хитро улыбается. Представляю, что у нее на уме – она о

Горском не умолкала. И ладно. Если так я спасусь от ее гениальных идей свести меня с кем-нибудь, пусть думает, что хочет.

Сворачиваю с оживленной дорожки на пустырь за летними домиками и делаю контрольный звонок – только душу травлю – и в разбитых чувствах плетусь отдыхать. Не выходит у меня беззаботно радоваться жизни вдали от него. Кажется, что я его предаю.

Перед сном, как ни сопротивляюсь, в голове все же мелькает мысль, что ни разу за день не увидела Горского, но я намеренно ее игнорирую. Не нужно.

Крепкий сон вторые сутки подряд идет мне на пользу: на следующее утро встаю до будильника, к приходу Иры уже в полной боевой готовности. Дома с дежурствами и буйными соседями так, конечно, не выспишься.

– Хорошо выглядишь, кроха, – смущает меня Пустовая.

Со вчерашнего дня ничего не изменилось. Разве что нервничаю больше, мне это не нравится. И ее комплименты лишь сильнее выбивают из колеи.

– А кому-то вчера весело было, – замечаю по ней.

Под глазами круги залегли, за голову держится.

– И не говори. Было круто! Я ногу подвернула, когда танцевала на столе.

Невольно улыбаюсь. Они такие разные с мужем. Как только уживаются?

– Ну ты же знаешь закон: если было хорошо, потом всегда плохо.

– Эй! – Ира грозно машет пальцем перед моим лицом. – Отставить пессимистичный настрой! Замечу хмурой, будет хуже, поняла?

– Так точно, – сквозь смех отвечаю я.

– Расскажешь, что у тебя с Никитой, а?

– Ничего. И не делай такие глаза! – отрезаю, не желая продолжать разговор.

Но от Пустовой просто так не отделаешься. Она достает меня всю дорогу и не отлипает, пока собираем спортсменов. Только когда подходим к нашей палатке, Ира замолкает резко. Даже подозрительно. Поднимаю голову и смотрю в ту сторону.

– Вот же! – ругается она. – Проныра!

Это она про Аллочку, которая с маркером танцует вокруг Горского, как ведьма на шабаше. Ей бы еще бубен в руки – вылитая будет.

Что-то неприятно колит в груди. Злюсь сама на себя за разочарование, которое предательски жжет внутри. Ненавижу это чувство. Поэтому так живу, поэтому ничего не жду. Не хочу ждать! Но подлая человеческая натура все равно лезет. Делает слабой, навязывает какие-то ожидания.

Я глушу чувства одним точным ударом.

В палатку мы заглядываем, когда представление кончается. Спасибо Ире, она больше не лезет. Намеренно опускаю взгляд в песок – да, как страус, и что? Быстрее и громче обычного зову ребят к себе. А внутри скребет, скребет. Размечталась, да?

Нет.

Пока пловцам проводят брифинг перед заплывом, рассказывают, как проходить поворотные буи и плот кормления, я все пытаюсь отделаться от назойливого внимания взрослого мужчины, которого подслала Пустовая. Да что там взрослого – старого! Тот нашептывает мне о грядущих переменах в Федерации Плавания, а я только и вижу его противные тонкие усики над верхней губой. Не слушаю, не вникаю...

– Девочка Рада.

В два счета нахожу «источник» звука. Сейчас я почти счастлива его видеть, хватаюсь за соломинку. Поворачиваюсь, скрещиваю руки на груди, незаметно

вытираю об майку вспотевшие ладошки.

Горский стоит метрах в пяти. Волосы спрятаны под желтую шапочку, тело обтянуто костюмом. От щетины не осталось и следа, но странным образом он не кажется младше. Наверное, из-за обжигающе ледяного взгляда, который делает загорелое лицо с крупным носом серьезнее.

Той ночью он выглядел как-то иначе. Безмятежнее, что ли.

Не вспоминать.

– Может, если выиграю, поплывешь со мной?

Ну зачем вспоминаю?

– Ни за что на свете.

Я тараторю, как скороговорку произношу. Он ловит меня на этом, а я ловлю его ухмылку – всего одно движение уголков губ, но ловлю.

– Смотри не утони, – неуклюже бросаю я вслед, когда Горский делает шаг.

И хочу прикусить язык. Что за бред я несу?

Очень надеюсь, что он не услышал – уши-то спрятаны под шапкой. Но быстро убеждаюсь в обратном.

– Хоть не прокляла, пожелав хорошего заплыва.

Никита распахивает какие-то пакетики в ноги, прямо под костюм, я отхожу дальше, но все еще наблюдаю.

– Что это? – спрашиваю у Иры.

– Кормежка. Гели энергетические всякие. Десять километров плыть – это не шутки.

А для меня – так вообще из области фантастики.

Спустя четыре круга сумасшедшей гонки я все еще не могу поверить, что люди на такое способны – плыть два часа кряду. Я-то вообще с трудом на воде держусь.

– Это ты еще марафон не видела! – восклицает Пустовая в ответ на мое искреннее недоумение. – Двадцать пять километров – вот настоящее испытание.

Слушаю ее и наблюдаю, как пловцы сбавляют скорость у понтона, дергают с удочек стаканы и на плаву заливают в себя смеси.

– На двадцати пяти могут и банан съесть.

– Да ладно! – удивляюсь я, а фантазия рисует забавную картинку.

Стараюсь держаться за спинами, не высовываться, пока подсматриваю за Горским. Хотя это даже смешно – ему точно не до меня. Уже двое сошли с дистанции, просто не доплыли. Остальные идут плотно, но Никита уверенно сохраняет позицию в тройке.

К концу седьмого круга меня начинает откровенно трясти.

– Да выиграет твой Никита, не переживай, – неожиданно подобравшись с тыла, говорит Ира.

Я вздрагиваю, резко вдыхаю и задерживаю воздух, но от гонки не отрываюсь.

– Он отстает, – произношу на выдохе, пока Горский завершает круг четвертым по счету. – И мне нет до него никакого дела.

Ира щелкает меня по носу, я возмущенно оборачиваюсь к ней и тру лицо.

– У этого красавца два сердца. Щас перейдет на второе, гляди!

– Куда?

Они далеко от берега. Уже ничего не видно – только точки в воде, похожие на рябь.

Я кусаю костяшки пальцев, а Ира хохочет в полный голос. Из-за нее не слышу комментатора, а он только что тройку лидеров назвал. Не замечаю, как начинаю выкрикивать следом за Пустовой что-то непонятное – вроде «да» и «вперед». Никогда не замечала за собой спортивного интереса, но сейчас заряжаюсь атмосферой.

– Спортсмены проходят последний поворотный буй, – объявляет комментатор.

Не вижу издалека, не разберу кто где, пока пловцы не приближаются к финишной прямой – или к створу, как умничают в толпе. Взгляд цепляется за желтую шапочку, что резво набирает темп, вклинивается между призерами, а затем и вовсе уходит в отрыв.

– О, турборежим включил, – смеется Ира.

– Никита! Это Никита! – только прокричав это, я осознаю, что творю, и закрываю ладонями рот.

Но вокруг всем плевать, а Ира уже бросается обнимать меня.

Я впервые за три дня иду на награждение. Стою в стороне, выглядываю из-за плеча длинноволосого парня, что закрывает мне весь обзор. Тот жестикулирует и дергается постоянно, мешая шпионить за Горским.

Когда победителя наконец объявляют, все громко аплодируют, даже свистят. Припадочный передо мной тоже поднимает руки и подается вперед, а мне не видно!

– Мне ничего не видно, – бормочу я.

– Что? – неведомым образом парень слышит и оборачивается так некстати.

Я чуть заваливаюсь на него. Чтобы не упасть, хватаюсь за плечи и негромко вскрикиваю от неожиданности. Ну как негромко – это мне так кажется. А взгляды зрителей внезапно так направляются в мою сторону.

Я краснею, поджимаю губы, но с достоинством пчусь назад – движения плавные, подбородок задран. Спотыкаюсь, лишь когда встречаю глаза Горского. Магниты в деле, притягивают. Не могу пошевелиться секунду или две, пока он сверлит меня взглядом из-под бровей, а затем не скрываюсь в толпе.

Ира вместе с мужем находят меня позднее, все на том же понтоне. Рассказывают про завтрашнюю вечеринку по поводу закрытия чемпионата и свои грандиозные планы. А ночью я ворочаюсь и не могу уснуть, все думаю о том, что может быть. А может и не быть вовсе.

Утром на сборе перед марафоном в шестнадцать километров я не нахожу Горского. Он не участвует? Надо было заранее списки посмотреть, меньше волновалась бы. И да, он жутко травит мои мысли. И нет, я совсем не расстраиваюсь, даже расслабляюсь слегка.

Не тревожусь, пока краем уха не слышу от других ребят, которые собираются плыть, что Горский еще накануне вечером улетел на сборы перед очередным чемпионатом.

Секунды бегут, люди слоняются рядом, а я замираю.

Чудес не бывает. Все-таки забыла, да?

Глава 7

Никита

Дорога из Шереметьево окончательно убивает во мне все живое. Я почти месяц слонялся по миру – сборы, соревнования в Европе, рекламный проект. Что ни говори, а раньше я так не уставал. Или не циклился на этом, шел дальше и дальше. Пока не уперся в стену.

Победы больше не приносят удовлетворения. Оставляют горький осадок, который со временем превращается в зыбучие пески. Чем ближе отбор на Игры, тем хуже: сомнения гложут с каждым днем все сильнее. Пытаюсь выбить усиленными тренировками, но они уже проникли в подкорку. Даже сейчас зудят так, что хочется разодрать виски в кровь.

Что, если я опять не смогу?

Поднимаюсь в квартиру, разуваюсь и напрягаю грудную клетку, готовясь наконец выдохнуть. Но с порога чувствую, что не удастся: воздух пропитан запахом еды, в зале горит свет, слышны шаги. Не успеваю подумать об этом, как навстречу выбегает Лиля.

– Ты же должна быть в Нью-Йорке, – говорю, не скрывая раздражения, но мои слова тонут в ее душных объятиях.

Она тянется за поцелуем, но я отворачиваюсь. Лиля делает вид, что не замечает этого, оставляет влажный след на щеке и улыбается до ямочек. Играет на пять баллов. Впрочем, актрисой она всегда была отличной. Если бы не призналась тогда, то я бы и не догадался, наверное.

– Я заказала ужин. Твои любимые ребрышки и...

– Лиль, тормози. Что ты здесь делаешь? Мы так не договаривались.

– Я теперь по предварительной записи должна домой приезжать? – быстро съев улыбку, горячо возмущается она.

Уже правдоподобнее, но на меня не действует. Это место давно перестало быть нам домом.

Она напрягается, понимает, что с мертвой точки мы не сдвинемся, и сдается.

– Завтра в Южном мой отец заключает контракт с твоим. Было бы странно, если бы меня не пригласили.

– Мы вполне могли прийти туда по одному.

По ее лицу становится ясно, что нет, не могли. Общественное мнение слишком важно для нее.

– Я в душ, летел с пересадкой.

Сняв куртку, вешаю ее в гардероб и игнорирую то, как Лиля старательно кусает нижнюю губу. Раньше тормоза срывало от одного этого действия, сейчас – мертвое спокойствие по всем фронтам. И она догадывается. Из-под маски начинают проступать настоящие эмоции, но Лиля быстро берет себя в руки и натягивает фальшивую улыбку.

– Поужинаем, когда примешь душ. Я все разогрею.

И как мы опустились до такого?

Под ледяным напором воды слегка прихожу в себя. Желудок гудит – проспал весь рейс и не помнил, когда ел в последний раз. Поужинать будет неплохой идеей, но я не спешу выходить.

Ищу в голове, в прошлом точку излома. Теряюсь. Почему? Потому что Лиля была центром моей вселенной. Я просто не представлял каково это – без нее, мы ведь со школы вместе. А теперь не понимаю, как быть... с ней.

Сколько раз я слышал: «эта девушка находка», «да она идеальная», «береги ее». Берег. Как умел, как мог. Никого вокруг не замечал. Но ей всегда было мало. Не сумела она справиться с ревностью к единственной реальной сопернице – к воде.

Перед свадьбой я уехал на соревнования, где получил серьезный вывих. Пришлось проходить срочную реабилитацию и задержаться дольше, чем планировал. Лиля, как мне казалось, отнеслась с пониманием: звонила каждый день, подолгу рассказывала, как идет подготовка к церемонии. Все было нормально. Для отношений, которые длятся больше десяти лет, – более чем нормально. Пока она резко не замолчала после девичника.

Такое случалось и раньше, иногда ее показы и съемки длились сутками. Но чтобы ни одного сообщения, ни одного признака жизни в соцсетях – это не было на нее похоже. На четвертый день тишины я позвонил и спросил обо всем сам. Она расплакалась и призналась, что изменила.

Было больно.

И нет, я не святой. У нас ведь были ссоры и долгие расставания, передышки. Я не один раз уходил в загул, иногда даже имен наутро вспомнить не мог. Но не так. Не накануне свадьбы. Не после того, как мы решили идти по жизни вместе.

Я не порвал с ней сразу, только потому что она умоляла – я поддался, дал время обоим остыть и подумать. Ее оставил в Москве, а сам улетел в Южный – там как раз строили дом, в котором мы планировали жить. Но хватило меня на неделю. Не клеилось. Не брала трубку – после третьего гудка мысли грязные лезли в голову. Понял, что не смогу и не хочу так. У нас будто срок годности вышел.

Когда сказал, что это конец, Лиля много плакала и кричала. Винила во всем меня – мою одержимость спортом, вечные соревнования. Говорила, что уделял ей слишком мало времени, что не любил. Жалко звучало. Я ведь всегда поддерживал ее.

Вытерев ладонью запотевшее зеркало, я смотрю на себя. Мне совсем не нравится то, что вижу. Желудок резко сокращается – даже больно от спазма. Обтираюсь наспех, выхожу из ванной в шортах и влажной футболке, сажусь за накрытый стол в зале. Есть хочу, аж слюни текут. Но Лиля в бешенство приводит нездоровой суетой. Со звоном отбрасываю приборы на стол.

– Остановись, – выдыхаю, когда пытается подсесть ближе. – Слушай, я согласился не портить жизнь тебе и твоей семье. Обещал сделать вид, что между нами все нормально, пока наши отцы не заключат контракт, который вам нужен. На большее я не подписывался.

Теперь ясно, что я крупно просчитался с этим уговором, попался на уловку. Лиля использует каждую возможность, чтобы вернуть все, совершенно не слышит меня. Даже расстояние не помогает.

Толком не притронувшись к еде, ухожу в спальню и закрываю дверь. Не сдерживаюсь и бью раскрытой ладонью в стену. Только потом ложусь в постель, Лиля может и в гостевой переночевать.

Из крепкого сна меня будто вырывает что-то. Темнота слепит, рассудок еще замутнен. На мгновение вижу ярко-голубые глаза, кто-то мелькает, все путается. Но, когда длинные волосы падают на лицо, разбираю шепот. Я хватаю ее за руки и встряхиваю.

– Я в последний раз говорю – остановись! – рычу сквозь зубы хриплым ото сна голосом.

Лилия совсем страх потеряла.

– Я прямо завтра объявлю о разрыве, если продолжишь. Ты не поняла? Еще раз повторяю – все кончено.

Не буду врать, что ее слезы не трогают. Я любил Лилию. Долго. Наверное, слишком. Чувств вроде бы и нет больше, но сколько воспоминаний. Именно они заставляют разжать пальцы, позволить ей упасть на грудь и едва ли не задушить меня в объятиях.

– Я так люблю тебя. Никит, я жить без тебя не могу. Прости, умоляю, прости меня, я никогда больше, никогда...

Я верю, наверное. Но проверять не готов. Я не сумел простить, даже не пытался. Как Лилия и не думала признаваться, с кем была.

Жду, пока перестанет биться в истерике и уснет. Тихо выхожу в коридор, затем на балкон. Во дворе довольно светло из-за фонарей. По периметру ходит охранник с собакой, громко завывает ветер. Небо все в звездах. Не такое, как было там, когда с девчонкой сидели.

И почему вспомнил о ней? Может, на контрасте. Из той каждое слово тянул клещами, а Лилия болтает без умолку. Молчать никогда не умела, тем более со мной. Тем более без обид, подозрений и дурацких вопросов.

Мысли естественным образом перетекают в другую плоскость и перед тем, как заснуть в гостевой спальне, я снова думаю, что мой запал на исходе. Пора выложиться по полной и, если ничего не выйдет, сворачиваться.

На следующий день наш вылет сильно задерживают, поэтому мы опаздываем. Пробираемся через главный вход на общих основаниях. Лиля снова не затыкается, все ей не так. Раньше я не замечал или она была другой? Да, собственно, плевать.

Торжество отец, конечно, устраивает с размахом. Повод есть – сегодня двадцать лет со дня основания его строительного холдинга, задвинувшего большую часть конкурентов на юге России. Весь городской бомонд собирается на вечере. И телевизионщики здесь. Но Лилия умудряется выглядеть звездой даже на общем фоне. Идеальная в длинном белом платье. Как всегда. Держит меня уверенно под локоть, поправляет галстук.

Замечаю, что на ней снова кольцо с помолвки.

– Хватит, – произношу резко и отхожу на шаг, как раз когда слышу знакомые возгласы.

– Дорогой, приехали! Мои любимые дети! Никки!

Мама. В груди теплеет от ее улыбки. Я скучал.

Она расцеловывает нас в обе щеки, обменивается любезностями с Лилей. Та извиняется за родителей, которые задерживаются, но уже спешат. Я здороваюсь с отцом крепким рукопожатием.

– Чемпион! – гордо выдает он и хлопает меня по плечу. – Я смотрел трансляцию. Что у тебя случилось на четвертом круге? Ты так и не сказал.

Вижу знакомый блеск азарта в его глазах и неумное желание контролировать. Ничего не меняется.

– Давай потом, – отвечаю тихо, – я к Севе подойду.

Брат с умным видом отчитывает официантов. Иначе и быть не может, Всеволод Игоревич везде важность любит показать.

– Выдохни, – вместо приветствия говорю я.

Тот поднимает глаза, быстро заканчивает разговор, кивает и в привычной манере сжимает плечо. На этот раз я не сдерживаюсь и тихо шиплю. До сих пор болит. Мой важный старший брат, который ведет бизнес и собирается возглавить совет директоров после отца, все замечает, но по-умному не вмешивается.

Сейчас особенно заметно, как сильно он похож на папу – одно лицо, только моложе. Даже повадки и манера речи одинаковые. Правда, между собой они по-прежнему общаются до невозможного формально. Ни разу не видел, чтобы отец обнимал его.

– Где Виолетта? Как жизнь вообще? – спрашиваю, больше чтобы поддержать разговор.

– Мелкий заболел, осталась дома с ним.

– Аккуратнее, стервятники рядом, – шучу я, наблюдая за его помощницей, которая не первый год пытается пробиться выше почетной должности любовницы.

– Ты с Лилей? – слышу удивление в голосе.

Брат единственный, кто был свидетелем наших размолвок. Он знает суть, но не знает причин – не в моей манере обсуждать интимную жизнь.

– Так вышло, – сухо отвечаю.

– Это к лучшему. Нам очень нужен контракт. Не меньше, чем им.

– Знаю.

Знаю, потому что дела идут не так хорошо, как кажется. Несколько конкурирующих фирм объединили усилия и пытаются давить на отца. А еще гринписовцы эти жизнь отравляют. После того, как осели в Южном и организовали здесь фонд охраны природы, все идет наперекосяк. В прошлый раз они затесались среди персонала и устроили забастовку. В прессе тему громко освещали, продажи в новостройках заметно упали. Надеюсь, временно, потому что отец стал хуже выглядеть.

Лиля приближается к нам, широко улыбается, здоровается с Севой, спрашивает о детях. Она – вроде бы незаметно – кладет ладонь мне на спину, но я не успеваю напрячься, что-то происходит.

Тишина растворяется в нарастающем гуле. Я вижу морщину на лбу отца – тот мрачнеет, говорит с местной охраной на повышенных тонах. Начинается суэта. А потом всех резко просят не поддаваться панике и без спешки покинуть зал.

Я подхожу к отцу, Лиля семенит следом.

– Что происходит, пап?

– Здание заминировано, – произносит ровно, но заметно, как отец напряжен.

– И? – тяну я.

– Уходите. Поступил звонок, что в здании бомба.

Дальше все как в замедленной съемке. Лиля начинает трястись и верещать. Мама даже крестится – набожная она у меня. Подталкиваю их вперед, прикрываю от толпы, чтобы никто в давке не ударил случайно. Мы спускаемся, как раз когда с орущей сиреной и мигалками подъезжают пожарные. Сюр какой-то, если честно.

Выходим за огороженную территорию. Вокруг шумят рации, рядом раздается заливистый лай. Замечаю, как из полицейской машины выпрыгивает огромная черная овчарка. И все бы ничего, но мне кажется, что я вижу мираж.

Или нет?

Нет. Прямо напротив стоит девочка Рада. С поводком в руках и в необъятном полицейском бушлате. Она тоже видит меня. На миг ее губы распахиваются, она моргает. А после отворачивается, зовет пса и идет в самое пекло.

Глава 8

Рада

Это дежурство не ладится с самого начала. Сперва не выходит Ира – простыла. Затем Волк вредничает на построении и в обед отказывается есть сваренную кашу. Еще целые сутки впереди, а я уже на износе. Хорошо, хоть на кинодроме[3 - Кинодром – специально оборудованная территория, предназначенная для обучения специалистов-кинологов основам дрессировки и тренировки служебных собак] Волк ведет себя спокойнее.

Я его не виню. Если собака не слушается, самое главное – понимать, что в первую очередь нужно искать причину не в ней. А мне долго гадать не приходится. Кажется, Волк до сих пор дует, что оставила его на неделю. Говорила Пустовой – плохая идея. Ее палевому лабрадору по имени Зазноба хорошо отдыхалось на даче у родителей Иры, а вот Волку в стенах вольера и под присмотром старшего сержанта Кощеева – как-то не очень.

Но на работе настроение мальчика, конечно, никак не отражается. Только мы надеваем шлейку и забираемся в спецмашину, он забывает все обиды. Сосредоточен и прекрасен в своей стихии. Мой герой.

После окончания тренировки мы вместе заваливаемся на холодную землю – нам слишком жарко. Пока идет сессия, я специально избегаю тактильных контактов, зато сейчас с душой хвалю, обнимаю. Малыш тает, облизывает меня, выгибается. Такой большой стал.

Помню, как увидела его совсем щенком и сразу влюбилась. Весь выводок Центра кинологической службы носился по загону, мелочь наперебой скулила, дралась за еду. Он один сидел в сторонке и взирал свысока. Никого не подпускал близко – ни собак, ни людей. В питомнике его собирались выбраковать как

асоциального и не поддающегося дрессировке, но они просто не сумели найти подход. Мы с ним поняли друг друга с одного взгляда. А когда тот с помощью хитрости выбрался из барьера и по следу разлитого бульона пришел ко мне на кухню, я решила, что из него выйдет прекрасный поисковик.

Это уже в ростовской школе служебно-розыскного собаководства мы сузили профиль до спецов в обнаружении взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов, а теперь каждый день совершенствуем навыки. За полтора года мы стали неделимы. Волк – мое все. Моя душа и моя суперсила. Мы вдвоем многое прошли, многому научились вместе.

– Больше не проси его целовать, – ворчит Кощей, прерывая наше блаженное одиночество. – И отрезать ничего не угрожай.

До сих пор припоминает мне разговор месячной давности. Именно он приглядывал за Волком, пока я уезжала на море, за что я ему благодарна. Но даже этот факт не помогает мне быть чуточку терпимее. У меня на него самая настоящая аллергия.

– Плохо он себя вел, да? – спрашиваю у Волка, а Кощеев прыскает от смеха.

Я наблюдаю, как они проходят на площадку с зонариком[4 - Зонарик – собака зонарного окраса (как у всех известных немецких овчарок)] Фениксом, которого мы зовем королем закладок – он ищет наркотические и психотропные вещества. Век бы Кощей не видела: мы с ним редко пересекаемся, это сегодня сошлись из-за больничного Иры.

– Ничего. Мы его накажем, согласен? – шепчу на ухо Волку, а тот лижет щеку в ответ.

После уборки вольеров и территории, я занимаюсь бумажной волокитой – составляю месячный план тренировок, который давно пора сдать, заполняю отчеты и акты. На часах шесть вечера, а я беспробудно зеваю – плохо спала, потому что резко похолодало, а батарея в общежитии и по сей день не греет.

– Маугли, – вдруг зовет Кощеев так громко, что я подскакиваю, – не спать. Выезжаем вдвоем.

– А что так? Боятся, ты один не справишься?

– Поговори мне тут, – ворчит он.

Вредный, но безобидный. Задирает при любой возможности, потому что отказалась на свидание с ним идти. Мужчины.

Волк радостно скачет при виде меня, вытягивается во весь рост, когда открываю вольер. Мы молча и быстро загружаемся в машину и выезжаем на место происшествия. В пути становится известно, что поступил звонок о взрывном устройстве в конгресс-холле, где проходит массовое мероприятие.

Мы прибываем как раз кстати – вместе с пожарным нарядом и скорой помощью. Саперы и спасатели тоже здесь. Периметр оцеплен, уже проводится эвакуация из здания и с прилегающей территории, что в зоне риска.

Ну теперь наш выход.

Кощеев распахивает дверь под гул сирен и пускает Феню вперед. Мы с Волком уверенно выдвигаемся следом. Каждое движение отточено до предела, затерто до дыр – ни одного лишнего. Многие посмеются, со стороны взглянув на нас с Волком, ну и ладно. Он знает свое дело, я ему всецело доверяю. На этом все. Когда вдруг начинает пахнуть жареным, люди резко перестают забавляться и просят помощи.

– Волк, – зову, чтобы держался рядом.

Малыш рвется к работе, нетерпеливо перебирает лапами – для него это самый чистый кайф, цель всей жизни. Рвется, но ждет. Ждет меня, ждет разрешения.

Только собираюсь только дать команду, как чувствую необъяснимое покалывание на щеках и шее. Оборачиваюсь и в первый миг даже не верю, что вижу Горского. Да так просто не бывает! Хочется спросить одно: какого черта? Несколько раз моргаю, чтобы избавиться от наваждения – он уже преследовал меня во сне. Может быть, и это видение? Но нет же. Стоит. Смотрит. Издалека заметно, как шевелит бровями и сводит их к переносице. Отворачиваюсь, прежде чем начать разглядывать девушку рядом с ним. Красивую.

Реальность разводит нас в разные стороны, и я даже рада этому. Только на крыльце двадцатиэтажного здания поддаюсь порыву и оглядываюсь назад, но не нахожу его в толпе за решеткой забора.

Сосредотачиваюсь на задании и иду вперед. По инструкции нужно начинать поиск с нижнего подвала и заканчивать крышей: сначала работаем мы со служебными собаками, потом визуальный осмотр проводят специалисты с техникой. Но сегодня есть прямая наводка.

– Подозрительную коробку обнаружили в тронном зале, – сообщает Кощеев и уже ведет за собой.

– Серьезно? В тронном?

Я закатываю глаза и следую за ним.

Здесь такое количество коридоров и помещений, что на полный досмотр пришлось бы задействовать, пожалуй, и областные ЦКС[5 - ЦКС – Центр кинологической службы]. Все вокруг пышет дороговизной, мне страшно коснуться чего-то. А люди здесь работают, проводят вечера и даже ночи, если верить стендам с рекламой белоснежных спален. Вспоминаю о «золотом мальчике» – теперь ясно, почему его так прозвали.

Тронный зал ярко освещен, повсюду стоят подсвечники, а в центре с потолка свисает сказочных размеров люстра. Столы ломятся от аппетитных блюд, и у меня невольно хватает живот – когда нас вызвали, я как раз собиралась ужинать.

Глядя на запредельную роскошь вокруг, невольно вспоминаю, как ребята в детдоме, далекие от реальности, совершенно серьезно рассказывали, что деньги им после выпуска достанет фея, а жить они будут в большом доме со слугами. Ведь наш приют, по сути, и был таким местом: нянечки, санитарки, воспитательницы и деньги – хоть и мизерные, но с неба. Интересно, кто-нибудь исполнил мечту? Судя по тому, как часто я встречала знакомые лица на работе и в криминальной хронике, – очень вряд ли.

– Ищи! – говорю Волку, отпуская поводок.

Мы обходим коробку по кругу. Несколько раз. Волк всем видом показывает, что внутри ничего нет. Страшно ли мне? Всегда. Я ведь живой человек. Но я верю ему, он не ошибается никогда.

– Чисто.

– Уверена? – переспрашивает Кощей.

– Абсолютно.

Он, конечно, изображает недоверие, специально выказывая неуважение подобными вопросами, но коробку тем не менее открывает сам. И резко вскрикивает, потому как из нее брызгает что-то красное. Нет, не кровь. Пахнет... краской?

На проволоке, что тянется из коробки, висит игрушка. Клоун. В руках у того записка с кричащей надписью «убийцы». Мне не по себе. Но сильнее беспокоят собаки – Феникса тоже неслабо заляпало, у Волка испачкан хвост. А Кощей по заслугам получил.

Слышу позади звуки потасовки, потом мелькает вспышка. Журналисты – отчаянные люди, вечно суют нос, куда не надо.

– Убрать посторонних! – Кощеев громко ругается, пока Волк усердно облаивает клоуна. – Значит, чисто говоришь?

Он гневно смотрит на меня.

– Взрывное устройство не обнаружено, товарищ старший сержант. Да, Волк? Волк!

– Наряды вне очереди я тебе обеспечу, – выплевывает он перед тем, как мы отправляемся зачищать территорию.

На улице до сих пор столпотворение. Пресса, зеваки, гости с праздника – или что там в этом тронном зале должно было состояться. Прохожу мимо: здесь, но не на сегодня, наша работа закончена.

– Вам ранее угрожали? – следовательно адресует вопрос седому мужчине, и я обращаю на них внимание.

– Мне каждый день угрожают. С моим-то статусом! – отвечает громко. – Я Горский! Что непонятного?

Никогда бы не подумала. Это отец Никиты? У них же ничего общего. Ну, кроме фамилии.

Наблюдаю, как снимают оцепление, по толпе пробегает шепот. Я иду напрямиком к припаркованной служебной машине, но Волк, как назло, останавливается и обнюхивает девушку. Ту самую девушку, которая была с Никитой. Даже против воли приходится теперь рассмотреть ее внимательнее и не найти ни одного изъяна.

– Уберите эту шавку! – голосит она, и мне тотчас хочется ей врезать.

– Фу, Волк! Рядом! – требую от него, а затем, не сдержавшись, тихо добавляю: – Сама такая.

– Что ты сказала? – завывает ты еще громче. – Нет, ты слышал, что она сказала?

Черт, Никита появляется. Ну не было же его, откуда взялся?

– Зай, эта сотрудница оскорбила меня!

Я намеренно блокирую слух и отвожу взгляд, лишь бы не замерзнуть от холодного безразличия в глазах Горского.

– Лиля. – Всего четыре буквы, а сколько в них злости и нетерпения.

Не только со мной он такой.

Дамочка прекращает капризничать как по мановению волшебной палочки. Актриса, блин.

Дождаясь Кощеева, смотрю вокруг, но меня продолжает тянуть в сторону Горского. Из последних сил сопротивляясь, я утыкаюсь взглядом в женщину рядом с ним – одетую в строгий плащ и, наверное, тяжелые сережки, которые достают до плеч. Вот на нее Никита похож больше. У них даже подбородок одинаковый. И цвет волос. Мама его?

Она шепчет без остановки и то и дело целует крестик. Неужели люди и правда верят, что невидимый Бог им поможет?

Нет, я не спорю, что существует какая-то высшая сила, но почему она должна кому-то помогать? Она нас создала – и на том спасибо. Не думаю, что «силе» есть дело до нас.

В детском доме крестили целыми пачками. Я не шучу: приходил батюшка и через минуту-другую все дети становились освященными. Их убеждали, что теперь их жизни переменятся: теперь они несут в себе все человечество, теперь они не одиноки. Бред. Не спасло это – кто сидит в тюрьме, кто пропал без вести, кто до сих пор в детдоме. Не свалилась сверху манна небесная, никто не озарил их путь лучом света. Чуда не произошло, потому что чудес не бывает.

– И где твой бронежилет? – раздается над самым ухом почти шепот.

Я не пугаюсь, не вздрагиваю, но полчища мурашек расползаются от шеи по всему телу.

Подняв глаза, я молчу. После нашего знакомства почти месяц назад я запретила себе думать о Горском. И уж точно не рассчитывала встретить его. В Южном. При исполнении.

Волк подает голос негромким рычанием. Отхожу на шаг, чтобы не нервничал, и киваю на мальчика.

– Вот он. И бронежилет мой, и табельное оружие, и напарник. Комбо.

– Можно? – Никита сначала спрашивает у меня и только потом садится перед Волком.

– Он не сильно дружелюбный, – предостерегаю, чтобы тот не лез с сантиментами.

Волк, конечно, не укусит, но рывкнуть может неслабо.

– Кого-то мне напоминает, – произносит Никита вскользь, а в следующую секунду уже чешет моего героя за ухом.

Тот аж скулит от удовольствия, вертит мордой, требуя еще и еще. Как такое возможно? Он же вообще редко кого к себе подпускает. Ужасно странно. Но больше меня удивляет широкая улыбка Горского. Оказывается, умеет.

– Рада! – слышу вдруг.

Быстро оборачиваюсь и вижу Кощеева. Тот внимательно смотрит на меня и на Никиту, который продолжает гладить Волка. Старший сержант по-прежнему сильно перепачкан краской, не могу сдержать улыбку. Интересно, с каких пор он меня по имени зовет?

– Поехали.

Тотчас киваю и чуть натягиваю поводок. Нужно бежать.

– Вы занимаетесь хорошим делом, – вырастая в полный рост, произносит Горский.

– Спасибо, – бросаю я и, не попрощавшись, ухожу.

В этот раз оставляю последнее слово за собой.

Глава 9

Рада

Уже должно светать, но небо заволокло тучами. Как бы дождь не пошел. Прощаюсь с Кошечевым, который до сих пор на улице краску скипидаром оттирает. Он уже почти не злится на меня – я помогла отмыть Феню. Про наряды молчит, знает, что я и так буду здесь больше времени, чем кто-либо.

Перед уходом заглядываю к Волку. Глажу красавца, чешу загривок, обнимаю. Я скучаю по нему постоянно – каждый раз сердце разрывается, когда прощаюсь с ним. А он каждый раз будто думает, что бросаю его навсегда.

Но я не смогла бы, точно нет. Сколько мы пережили вместе! Были в тундре – ночевали и ели в походных условиях. Ездили в Сочи на крупные гонки. Летом участвовали в соревнованиях на базе ЦКС, но проиграли – мало в нас эстетики, сказали.

Напоследок сжимаю его сильнее. Медленно поднимаюсь на ноги, отряхиваю коленки, а Волк уже скулит тихо и смотрит так пронзительно.

– Я обязательно заберу тебя отсюда, малыш, – обещаю ему. – И к морю отвезу. Верь мне.

Выхожу из вольера и запираю на замок, пока Волк лает в спину. Во рту сухо, скулы сводит. Глаза щиплет, но я не плачу. Расставание всегда дается нелегко, но других вариантов нет. Я пробовала забирать Волка в общежитие и чуть не потеряла его. Малыш слишком ярко меня защищает и тоже не любит пьяных соседей. Больше я не рискую. Доходчиво объяснили, чем может обернуться для нас заявление об укусе. По возможности езжу в питомник каждый день, всегда подменяю ребят на праздники. А с кем еще мне быть, кроме Волка?

И, кстати, я не сдаюсь. Собираюсь вытащить героя отсюда, когда тот выйдет на пенсию. Сейчас-то он принадлежит государству и зовется «имуществом» по документам. Мне лишь нужно продержаться на этой работе еще шесть с половиной лет. К тому времени я как раз продам комнату – пока не имею права – и обязательно что-нибудь придумаю. Может быть, у нас будет даже небольшой дом.

Прохожу через КПП, до сих пор слышу собачий лай. Я бреду вдоль длинного забора, пинаю ветки и желтые листья. Поднимаю голову, лишь когда слышу сигнал – Ира с мужем приехали встретить. Я не сумела разубедить ее, она

новости смотрела. Сказала, что почти здорова и, скорее всего, выйдет на следующее дежурство. Да, мы – собачники – ненормальные.

– Эй, девочка Рада, – окликают меня вдруг.

И как я не заметила этот танк на обочине?

Из грубой и чудовищно большой машины выбирается – кто бы мог подумать – Горский. Я застываю на полпути к Пустовым, Ира выглядывает из окна.

– Кроха, мы можем уезжать? – спрашивает она игривым тоном, как умеет.

Я сразу отмираю и быстро подхожу к ней.

– Минуту подождите.

– Точно?

– Точно! – рявкаю я.

Разворачиваюсь и с ходу врезаюсь в стену. Да-да, грудь у Горского каменная.

– Доброе утро, – здоровается он с Пустовыми, обойдя меня, даже перекидывается с ними парочкой фраз. И каким-то неведомым образом отправляет их. Да! Вот они уже отъезжают, несмотря на мои возражения, и Ира усердно машет через лобовое.

– Не злись, – говорит, едва разворачиваюсь. – Много времени не отниму.

Горский кивает на машину, а в следующую секунду я уже вижу его спину. На нем джинсовая аляска, которая чертовски подчеркивает серые глаза. Странно, что я успеваю разглядеть это в полумраке.

Я с опаской осматриваюсь по сторонам. Не устраивать же скандал? Вон охранник выходит на перекур – он любитель потрещать. А сейчас там еще и Кощеев подоспеет, тогда точно разговоров будет.

Ускоряю шаг, забираюсь – именно забираюсь – в черный автомобиль и кладу на колени рюкзак. Высоко! Я в таких никогда не ездила, неужели удобно? Будто в самолете сижу. Хотя это я тоже только по игровым автоматам представляю.

Горский спрашивает адрес, я коротко отвечаю, а потом мы просто едем.

– Ты удивила меня, – произносит спустя две длинных пробки.

Восемь утра – самый настоящий ад для нашего города с вечным ремонтом дорог и запутанными улицами. Плетемся, как черепахи. Специально забиваю голову всем, что вижу за окном, лишь бы не думать о его словах.

Удивила? Что это значит? Невольно выгибаю бровь и уже потом ловлю себя на этом.

– Не ищи подтекст, – тут же добавляет он.

Смотрит не на меня, а в боковое зеркало. Это я успеваю заметить, когда, продолжая и дальше играть в молчанку, всего на секунду перевожу на него взгляд.

– Слышал, вы с псом были вчера главными героями.

Слово режет слух.

– С Волком.

– Что? – Он наконец поворачивается ко мне.

– Пса, – безглаголиво произношу, – зовут Волк. Он мой напарник.

У меня заготовлено с десятков ответов насчет дружбы с Волком. Мало кто ее понимает, еще и лезут часто с комментариями, которые я слышать не хочу. Готовлюсь к обороне, Горский же останавливается на светофоре, нескольких бесконечно долгих секунд изучает мое лицо, а затем кивает чему-то.

– Извини за поведение Лили.

Твоей невесты, – добавляю про себя.

Я бы догадалась и без чьей-то помощи – у нее кольцо с громадным сияющим камнем на нужном пальце. Но Кощеев постарался на славу и показал целую кучу их совместных фотографий в интернете. Я пропустила мимо ушей его восторги про «топовую модель» – что бы это не значило – и ее карьеру в Нью-Йорке.

Зато мне стало хоть немного понятнее, в чем обвиняли Горских и что они вообще из себя представляли. Скандал разразился из-за вырубки лесов под новую застройку. Защитники окружающей среды в одной из провокационных статей назвали это «беспределом». По их словам, многие дикие животные остались без дома.

Страшно, конечно. Но и все эти ложные звонки, я считаю, не выход.

– Как ты нашел меня?

Его лицо так же бесстрастно, но я снова ловлю мелкое движение губ, и в груди растекается тепло. Никита не отвечает, всем своим расслабленным видом показывает, что за рулем такой машины, будучи сыном такого отца, можно не только меня найти, но и Святой Грааль. На его темной одежде не видно бирок и наклеек с фирмой, но и без них понятно, что покупает шмотки Горский не на рынке. Сейчас тяжесть различий между нами особенно сильно давит. Когда он стоял рядом с голым торсом, и то легче было.

– И как девочка Рада из детдома стала полицейским? – проигнорировав мой вопрос, задает свой.

– Ей просто хотелось выжить, – честно отвечаю.

Я не стыжусь того, кто я есть. Не горжусь – да, но не возвожу в культ и тем более никогда не скрываю.

Мы едем все медленнее, ловим каждый светофор. Мне это не нравится. А еще не нравится выражение его лица: брови нахмурены, губы сжаты крепче, чем

раньше. Если в обычное время он ледышку напоминает, то сейчас достиг уровня айсберга. Того самого, что потопил Титаник.

– Мне жаль, – наконец выдает он, хотя ни одной эмоции, похожей на жалость, я на его лице не нахожу.

– Нечего меня жалеть, – произношу я слегка раздраженно. – Все, что нужно, у меня есть. Ноги-руки на месте.

Горский ничего не отвечает. У меня тоже желания душу раскрывать перед ним нет. Смотрю в окно и лишь спустя какое-то время замечаю, что мы второй раз проезжаем один и тот же поворот.

Только я рот открываю, чтобы сказать об этом, как Горский разворачивается через двойную сплошную. Меня бросает вперед, потому что я не пристегнута, но он удерживает мое тело рукой и рывком прижимает обратно к сиденью. Он спасает мой нос от столкновения с приборной панелью, но сам кривится, будто ему больно. Уже через пару секунд он спокойно выкручивает руль и возвращает танк на дорогу. Как ни в чем не бывало. Я сажусь ровнее, но напряжение не уходит.

Не буду благодарить его, потому что он чуть нас не убил.

Когда Горский паркуется во дворе общежития, мне становится не по себе. Машина сильно выбивается из общей картинки. Все сразу обращают внимание: бабули на лавочке бесцеремонно указывают пальцами, парни на лестнице, которые утром возвращаются с попоек вместо того, чтобы идти на работу, косятся в нашу сторону.

Мне ни к чему проблемы.

Нервничаю все больше и больше. А когда в кармане начинает вибрировать телефон, я чуть с ума не схожу. Достая трубку, смотрю на экран с номером Майи и заталкиваю его обратно. Я распахиваю дверь и, позабыв о высоком порожке, падаю вниз. Приземляюсь, как кошка, на все четыре, быстро встаю, закидываю рюкзак на плечо и, ни разу не обернувшись, захожу в дом. Поднявшись на лифте, я открываю комнату и с порога заваливаюсь на постель. Прямо в одежде. Лицом в подушку.

Блин, ну почему столько гениальных ответов и колкостей приходят в голову так поздно? Кажется, я жираф из старого анекдота. Вздыхаю, вспомнив позорный полет. Лучше бы Горский не приезжал, я почти сумела не думать о нем.

Я лежу, не двигаясь, в мыслях повторяю несуразный диалог снова и снова. В стену врезается что-то. Резко поднимаю голову, прислушиваюсь к ругани и стискиваю зубы. Лида – моя соседка – опять ссорится с сожителем. Сколько раз она обещала расстаться с ним и не пускать к себе. Да вот только на прошлой неделе обещала после сломанного пальца! Но он каждый раз приползает: летом тащит букет ромашек с клумбы за домом, зимой – бутылку коньяка, чтобы погреться. А заканчивается все новыми побоями.

Он когда-нибудь ее просто прибьет! И сколько раз я пыталась помочь, она же не пишет на него заявление!

Интересно, сегодня это долго продлится? Я вообще-то спать хочу.

Скидываю обувь, надеваю шерстяные носки, которые мне Ира связала, и пытаюсь отвлечься, но... Слышу громкий плач, затем хлопок. Фух, сбежала. У консьержки в кладовке, как всегда, спрячется, пока этот не протрезвеет. Только я выдыхаю, когда в дверь – в мою дверь – начинают колотить изо всех сил.

Не могу толком разобрать пьяный бред, но этот урод точно уверен, что Лида прячется здесь. Не соображает ничего.

Я в один миг подбираюсь, сажусь на кровати. Рука тотчас ныряет под матрас, где лежит складной нож. Он там, потому как я еще в детском лагере поняла, что мои кулаки против мужчин – ничто.

Мысленно умоляю дурака уйти, жду, но он настырно лупит в дверь руками и ногами, а та – старая и хлипкая – уже ходуном ходит. И когда мне кажется, что она сейчас распахнется, когда напрягается каждая мышца и я вытаскиваю ножик, снаружи раздается посторонний голос.

– Что здесь происходит?

Это его голос. Никиты.

Я так удивляюсь, что пропускаю все. Моргаю уже после глухого удара и грубого «проваливай давай». Это Горский. Он здесь. Как в это поверить?

– Девочка Рада, открывай, – сначала говорит, а потом аккуратно стучится ко мне.

Зачем он здесь? Как так быстро меня нашел? Это пугает. И будто бы ответом на мои мысли звучат его слова.

– Ты телефон в машине забыла.

Я ощупываю карманы со всех сторон и правда ничего не нахожу. Бросаю ножик в рюкзак, быстро подпрыгиваю и торможу лишь спустя три шага, у порога. Медленно приоткрываю дверь, оставив ее на цепочке, которая держится только на честном слове.

Горский. Это он. Стоит на фоне облупленных стен коридора и потолка в пятнах от прошлогоднего потопа. Как будто супергерой на фоне дымящихся развалин. А дымящиеся развалины – это моя жизнь.

– Пустишь? – спрашивает он.

Глава 10

Никита

Глаза у нее огромные. Только эта мысль перекрывает злость на смертника, который ломился к ней в дверь, а теперь лежит на коврикe в коридоре. Мне даже руки особо марасть не пришлось – штормило его сильно, сам лбом косяк схватил и отключился.

Как она здесь живет?

– Пустишь? – прошу.

Я и так зайду, но лучше бы с ее разрешения.

Девчонка застывает, смотрит в упор. Ее трясет немного, но она не вопит и не рыдает. На миг прикрывает дверь, снимает цепочку и впускает меня, отойдя чуть в сторону.

Ее взгляд оживляется, начинает скакать по комнате – пустой стол, незаправленная кровать, трещина на стене, которую заметно под обоями. Убого здесь все, но стерильно чисто и аккуратно: скатерть и простынь белоснежные, рубашки в углу идеально выглажены, хоть и висят на вбитых в стену гвоздях, даже пахнет приятно – скорее всего, геранью, что стоит на окне. Аромат прямиком из моего детства.

Не спрашиваю, куда сесть – здесь только кровать. В этой конуре не больше десяти квадратных метров! Так вообще легально жить? Я опираюсь на подоконник. Мне не по себе, будто скребется что-то внутри. Я ведь никогда и ни в чем не нуждался.

Рада наконец выдыхает – теперь я вижу ту девчонку, которая вечно язвит в ответ. Она с ногами забирается на кровать в пушистых носках с веселым узором, что не вписывается в ее образ. Она же вся в черном – черный, больше похожий на форменный плащ, черный с белым воротником свитер, как из старых советских фильмов, и штаны... тоже черные.

Она слегка бьется затылком о стену, смотрит в потолок.

– Чай будешь? Больше ничего нет.

Отбирать у нее даже чайный пакетик кажется неуместным, но я все равно соглашаюсь – не хочу давать повод так сразу меня выгнать. Девчонка похожа на ребус, который непременно нужно разгадать. Должно быть объяснение: почему не сумел уснуть, почему даже после двухчасовой тренировки в бассейне пробил ее место работы, а сейчас поднялся за ней.

Отец и Сева уехали разбираться с полицией – меня, кстати, пообещали вызвать в качестве свидетеля в ближайшие дни. Маму и Лилю я отправил по домам, а сам оказался у девчонки.

Смотрю на невеселую Раду и понимаю, что никто и никогда так сильно меня не удивлял.

– Телефон, кстати, возьми, – говорю, а она достает из ящика кипятильник.

Да, старый такой, со спиралью. Опускает в банку с набранной водой. В последний раз видел похожий у бабушки в деревне лет двадцать назад.

Пока вода греется, она ставит на стол пачку странного чая и блюдце, в которое бублики высыпает. Бублики, твою налево! Абсурд какой-то.

Что. Я. Здесь. Забыл?

– У бабушки в деревне сосед таким дом спалил, – почему-то вспоминаю я, когда вода кипит и пузырится.

Девчонка лишь хмыкает и заваривает чай. Ну как заваривает – закидывает в кипяток пакетик, который чуть подкрашивает воду в желтый.

– И что такого забавного?

– Бабушка, деревня... с тобой не вяжется, – замечает она.

Теперь моя очередь усмехнуться.

– Я до десяти лет не вылезал от бабушки, все лето обычно у нее проводил. Хорошее было время.

– А потом? – не стесняется спросить Рада.

– Потом я выиграл первые крупные соревнования, и детство закончилось.

Редко вспоминаю о том беззаботном времени. И выборе, который за меня сделали. С тех пор я больше себе не принадлежу.

Ностальгия накатывает, и я злюсь. Сверлю глазами тщательно подклеенные углы давно изношенных обоев, зашитую местами наволочку и неумело покрашенный потолок. Тут даже телевизора нет. На полке под рубашками камуфляжная куртка лежит с нашивками «МВД России», и я тотчас вспоминаю пса – черного, как сама смерть. То есть Волка.

– И как ты очутилась в полиции, младший сержант Галл? – по двум желтым полоскам на погонах определяю я.

– Меня пугает твой интерес к моей жизни.

– Ты не выглядишь напуганной.

– Я умело притворяюсь.

– Не замечал, чтобы ты притворялась.

Рада смотрит прямо, чуть щурится. Я отвечаю ей тем же – могу вести эту игру вечно.

Когда она сдается и устало прикрывает глаза, мне удастся лишний раз ее рассмотреть, заметить пушистые ресницы. Естественно красивые, не такие длинные, как у Лили.

Кривлюсь от случайного сравнения. Это лишнее. Ловлю ее невозмутимый взгляд. Она видит, что смотрю на нее, но не тушует, отпивает подкрашенный кипяток, затем макает в него бублик.

– Все очень просто, – тем не менее отвечает на вопрос о полиции. – После детдома у меня было две дороги. Я свою выбрала.

Только открываю рот, когда перебивает.

– И не жалею.

Самоуверенная.

– Почему тогда терпишь таких соседей? – Киваю головой в сторону. – Что же доблестная полиция не реагирует, а?

– По моим наводкам он регулярно в спецприемнике сидит. Во всем виновата человеческая натура. Девушка, с которой он живет, каждый раз врет, что упала, ударилась, да что угодно!

– Бьет – значит любит?

Рада лишь кривит нос, о чем-то думает. Очень сложная девчонка, а меня всегда привлекали сложности. Всегда больше нравилось плыть с ветром на открытой воде, чем в Севилье в стоячем канале.

Чтобы не смущать ее, снова оглядываю комнату, подмечаю все новые детали – книжка под кроватью с затертым корешком, холод собачий.

– Хватит.

– Что? – спрашиваю невозмутимо.

– Я тебя не приглашала. Если что-то не нравится...

– Просто пытаюсь понять, как ты здесь живешь, – говорю честно.

– Прекрасно. У Гарри Поттера чулан и тот меньше был.

– Это даже чуланом сложно назвать, – бормочу я. – Разве вам не должны выдавать нормальные квартиры?

– Хорошо, хоть что-то дали. Многие, кто со мной выпустился, до сих пор ждут. Мне вовремя помогли.

Киваю, но ответом не удовлетворен. Все равно не понимаю, как здесь можно нормально существовать. Интересно, кто ей помог? Есть ли в ее жизни близкие люди? Должен быть хоть кто-то.

– Почему собаки?

Вопросы в моей голове не заканчиваются.

– А почему нет? Они лучше людей. – Кажется, замечает мой скепсис, потому что спешит продолжить: – Такой преданности среди людей нет.

– Если ты не встречала, не значит, что нет.

– Давай не будем, – усмехается Рада, но как-то с горечью. – Ты видел в интернете клип, как собака одиннадцать лет подряд возвращалась на место, где погиб хозяин? Люди забывают слишком легко и быстро.

В ее словах много личного. Я впервые слышу тревожные нотки в голосе и не могу остановиться.

– А почему учиться не пошла? – чуть меняю тему.

– Успею. Много еще вопросов в твоем списке или я расплатилась за телефон?

– Тридцать девять примерно, – отвечаю не думая.

Рада улыбается, и я неожиданно подвисяю. Выпадаю из реальности и понимаю, что за все время она к трубке так и не притронулась. Сидит до сих пор в плаще, одетая, как и я. В комнате холодно. У изголовья лежит тонкий плед. Как она вообще греется?

Только сейчас, когда не строит из себя железную, не болтает о серьезных вещах так просто, я осознаю, насколько она маленькая. Ей хотя бы двадцать есть? И подсознание сразу откликается, рисуя ее образ в форме и с собакой в поисках чертовой бомбы. Которая могла быть, которая могла унести жизни. Если этот случай, к счастью, оказался ложным, то, уверен, бывали и другие.

Черт, она же реально малышка.

Девчонка то же в трансе. Что она думает обо мне? Все губы в крошках от сухек этих дурацких. Смотрю на них – на губы. Рада не двигается. Кажется, даже не

дышит.

Сначала делаю, потом думаю. Поэтому сперва протягиваю руку и вытираю ей щеку и уголок рта, а после прихожу в себя и застываю. Пальцы остаются на скуле, чуть поглаживают мягкую кожу. Чертовски хочется сжать их.

– Тебе пора, чай все равно остыл, – говорит и отворачивается к окну.

А я злюсь. Злюсь на самого себя. Взять бы и скинуть эту дурацкую чашку с затертым рисунком. Только закалка помогает сдержаться.

– Это не то, что ты подумала, – слишком низким голосом произношу, откашливаюсь. – Я не трону тебя.

– Я и не думала.

Она даже не смотрит в мою сторону. Я ругаюсь про себя, выхожу из комнаты и хлопаю дверь. В коридоре торможу и впечатываю ладонь в стену, потому что вижу ее спящего соседа с помятой рожей.

Черт.

Про себя выражаюсь крепче.

Черт.

Я смотрю на него и делаю звонок.

Глава 11

Рада

– Ты странная какая-то, – произносит Майя и глядит на меня неотрывно, изучающе.

Я же изо всех сил стараюсь не думать о вчерашнем чаепитии – пожалуй, с Безумным Шляпником и то прошло бы спокойнее. Пытаюсь не думать о том, как колотилось сердце, когда пальцы Горского погладили мою щеку, как тихо и пусто стало после его ухода.

Да, вот поэтому я не хочу сближаться ни с кем – чтобы спокойно спать! А не смотреть в книжку далеко за полночь не в силах даже буквы собрать в слова. Еще и в каждом новом предложении «Поющих в терновнике» находить знаки: нет, нельзя, не судьба.

Майя выжидает. Наверное, у меня все на лице написано. Чувствую растерянность от того, каким откровением стало прикосновение другого человека. Точнее, парня. Мужчины.

Так, надо забить. Показываю ей язык, отмахиваюсь. Подошедший официант перетягивает внимание на себя – ставит передо мной сырники с брусничным вареньем, хотя я просила только кофе. Неугомонная пчелка Майя.

Майя была моим наставником в рамках благотворительной программы, но мы продолжили встречи и сейчас. Я не предлагала, не хотела быть обузой, она сама настояла. Первое время после детдома она мне вообще прохода не давала: контролировала, сколько я ем, встала ли на учет в центр занятости, помогала обновить комнату в общежитии – та была в жутком состоянии, когда я ее получила. Благодаря Майе мой личный ад оказался не так страшен.

Я прикрываю глаза, пробуя воздушный сырник, что тает во рту. Сколько раз ни пыталась готовить их в общаге, так вкусно не выходит. Повар явно душу дьяволу продал. Ну или это у меня не из того места руки растут. Запиваю горячим ароматным кофе – от одного глотка крепкого напитка скулы сводит. Я уже и забыла, каким вкусным он может быть, когда пьешь не растворимый.

Майя смеется звонко.

– Ты опять меня балуешь, – ворчу я.

Помню, как поначалу она задаривала подарками, которые я наотрез отказалась принимать. Но Майя, такая же вредная и настойчивая, не бросала попыток, пока

мы не сошлись на еде. Постепенно я привыкла к нашим вечным перепалкам и, несмотря на то что не искала компании, однажды поймала себя на мысли, что жду этих встреч.

У самой Майи история жизни вышла почти киношная. Она – отказник, бросили в роддоме, но ей повезло попасть в хорошую семью. И все же, когда приемные родители открыли правду, Майя захотела отыскать биологическую мать. Это оказалось не самым удачным решением: та беспробудно пила и не помнила имени отца, а по итогу украла приличную сумму денег. Майе пришлось тяжело, зато после всех передраг она сильнее полюбила приемную семью и поняла, что хочет делиться опытом с такими, как я.

– Ты когда поступать собираешься? Второй год пропустила, – упрекает она снова.

И что все заладили?

Им легко говорить – им не нужно работать и сводить концы с концами. Про Горского вообще молчу, но Майю родители тоже всегда хорошо обеспечивали: она могла позволить себе отдых на далеких островах в Тихом океане и учебу за границей. А сейчас у нее появился состоятельный жених лет на двадцать старше, который на день рождения подарил ей самый настоящий салон красоты, и она вдруг заделалась визажистом. Теперь постоянно пытается заманить к себе, но я изредка соглашаюсь только на стрижку и маникюр без лака.

Я выдыхаю, пытаюсь расслабиться – никто из них не виноват, что моя жизнь так сложилась, не нужно злиться.

– У меня льготы до двадцати трех лет, поступлю, – отвечаю спокойно. – Сейчас меня больше интересует судьба Волка.

– Ты Волку и ему подобным больше поможешь, если все-таки поступишь в ветеринарное, как собиралась.

– Тогда его отдадут кому-то другому. Ты же знаешь! Они могут забрать его в любой момент. Уже пытались.

– Но заочно...

– Нет!

Мой голос срывается. Я замечаю изорванную салфетку в тарелке – только при разговоре о Волке так сильно теряю контроль.

– Пока нет, – говорю сдержаннее. – Пока я недостаточно хорошо справляюсь и не могу отвлекаться. И вообще... я из полиции ни ногой до его пенсии.

– И когда это будет?

– Через шесть лет.

Майя недовольно поджимает губы и облокачивается на стол.

– Вредная Рада. И куда ты собираешься его забирать?

– К тому времени что-нибудь придумаю. Продам комнату, возьму ипотеку. На первый взнос должно хватить.

Сейчас-то комната с потрохами принадлежит государству. Лишь после пяти лет комиссия решит, можно ли передавать мне ее в личное владение.

– Меня, конечно, радуют твои наполеоновские планы, но я беспокоюсь о твоём образовании.

– Салон красоты я сумею открыть и без него, – шикаю в ответ.

– Ха, очень смешно.

– Май, давай закроем тему.

– Хорошо, – она хитро улыбается, – но до следующего раза. Я так просто не отстану.

– Кто еще вредный из нас.

Мы выходим из кафе, когда на улице совсем темнеет. Майя подвозит меня в общагу: рассказывает по пути про будущего мужа и пытается выпросить, не появился ли у меня кто. Я даже водой давлюсь от неожиданности и кашляю. Никогда не спрашивала, почему сейчас?

Выдыхаю, лишь когда меняет тему. Теперь Майя вещает про какого-то детского психолога, который помогает сиротам и раскрывает мотивы родителей, что бросают детей. Она настаивает, чтобы и я послушала передачу. С ней невозможно спорить, поэтому соглашаюсь, но замечаю неладное. Она так ни разу и не обмолвилась о...

– Как Богдан?

Богдан – ее родной брат по матери. Да, биологической. Майя от нее же и узнала о парне с буйным нравом. Ему повезло меньше – он попал в детский дом уже достаточно взрослым, когда отец сел в тюрьму. Его так и не усыновили, а теперь он вечно влипает в неприятности.

Майя становится подозрительно тихой. Вот же!

– Он не взял деньги, сказал, у него есть свои. Видела недавно – в дорогих шмотках ходит, новый айфон купил.

– И что не так?

– Все!

Майя впервые не сдерживается и нервно ругается.

– Влез, наверное, опять куда-то. Не заработал же!

А все потому, что она носит с ним как с маленьким. Но Майя вряд ли хочет это слышать. Снова. У нее слух блокируется, когда я пытаюсь ей что-то про него сказать. Мне кажется, она и меня под крыло взяла, потому что с Богданом не справилась.

– И все-таки до жути странная ты сегодня, – повторяет она, когда останавливается во дворе, и косится в мою сторону.

Возможно. Приходится мысленно согласиться, потому что я чувствую себя не в своей тарелке.

– Хотя бы ты расскажешь мне, если что-то произойдет?

В ее глазах, кажется, искренняя мольба.

– Обязательно, – отвечаю твердо, чтобы успокоить.

– Честно-честно?

– Ага! – уже смеясь, добавляю, а Майя тянется и обнимает – быстро, порывисто.

– До встречи, – прощается.

– Пока.

Дома я убираю приготовленную на ужин пачку овсяного печенья, пытаюсь снова читать про запретную любовь, но мыслями постоянно возвращаюсь к Горскому.

Может, я была с ним слишком груба? Он ведь помог мне.

Или нет? Чего он вообще от меня хотел?

Голова так сильно гудит, не могу успокоиться. Решаю, что недостаточно устала и надеваю кеды – пока нет дождя, пробегусь.

Мне даже дышать становится легче спустя пару кругов по району. Я вообще неплохо дружу со спортом, долгое время занималась борьбой, после того как однажды ночью в детском лагере ко мне в кровать забрался мальчик постарше и пытался трогать. Тогда я подралась с ним. Итогом стал синяк, легкое сотрясение и вечное понимание, что с мужчинами нужно использовать хитрость и скорость, а не силу. Зато боевая подготовка помогла при сдаче нормативов и работе в

полиции. Когда ты маленькая, от тебя не ждут прыти.

На обратном пути забегаю в продуктовый. На стенде со скидками ничего нового: беру рис, свежие огурцы и куриные бедра на завтра – закину в духовку, пока она вроде бы снова работает. Возвращаюсь в общежитие и на этаже у окна нахожу незнакомого парня в красных кроссовках и с незажженной сигаретой. Он был внизу, когда я только выходила. Заметила, потому что на него лаяла болонка Елены Михайловны – нашей консьержки.

Уже в коридоре я встречаю Лиду, которая резко отворачивается, чтобы я не рассмотрела фингал на лице.

– Прости, его накрыло, – слышу в спину, но не реагирую.

Я не готова спасать людей, которые сами того не хотят.

Весь следующий день провожу в тренировках с Волком. Это мой нормальный выходной – зависать с ним в кинологическом центре. Если не могу взять Волка к себе, хотя бы стараюсь проводить рядом все доступное время.

Дежури́м мы снова вместе с Кощеевым, потому что Иру не допускают к работе с температурой. И когда ближе к вечеру нас вызывают в торговый центр, тот чертыхается. Оказывается, за неделю звонки о взрывном устройстве в этом месте поступают уже в третий раз. Кто-то явно развлекается, но у нас от этого работы не меньше. Проверяем здание от и до. И только отыскав очередную пустышку, убедившись, что никому не угрожает опасность, позволяем всем вернуться.

Уже около десяти минут мы ждем на первом этаже патрульную машину, которая никак не может подъехать – ей перегородила путь легковушка. И как раз в этот момент я замечаю знакомое лицо, которое меньше всего хотела бы видеть, но с первого взгляда узнаю: слишком хорошо запомнила невесту Горского. Та в магазине кричаще дорогой одежды отчитывает кассира и швыряется пакетами. Да уж. Наверное, именно такая взрывная девушка и нужна ледышке-Никите.

Когда следом за этими мыслями я ловлю движение позади нее, сердечный ритм грозит сорваться в тахикардию.

Это... не он.

Пuls быстро замедляется. Не могу разглядеть мужчину, но это явно не Никита.

– Что такое Маугли? О тряпках размечталась? – шутит Кощей.

– Ну точно не о тебе, Стасик.

Едва договариваю, как Волк резво дергает меня в сторону и несется через весь зал. Он на скорости пролетает вращающиеся двери, я еле успеваю за ним. На бордюре подворачиваю ногу и громко ругаюсь.

– Ко мне! – кричу, когда поводок вылетает из рук, а Волк продолжает метаться по проезжей части и лаять, распугивая прохожих.

– Волк, рядом! – произношу жестче, чем обычно.

Тот тонко чувствует мое настроение. Сразу отвлекается и садится у левой ноги. Заглядывает в глаза, пока я присаживаюсь и потираю лодыжку. Кошечки с Феней выбегают следом.

– Твой свихнулся, что ли? Вы оба ненормальные.

Я молчу, потому как впервые мне нечем оправдать поведение Волка, а врать не хочу. Да, он еще молодой, у него случались вспышки, в том числе из-за девочек, но на работе он меня никогда не подводил.

– Что такое, малыш? – шепчу я и чешу его за ухом, когда к нам наконец подъезжает служебная машина.

Он в ответ лижет берц там, где болит. Явно нервничает. Ему давно пора витамины пропить, может, в этом дело? С зарплаты нужно выделить денег.

На следующее утро добираюсь с остановки домой прихрамывая и глубоко в мыслях об этих странных звонках, фальшивых закладках и клоуне с краской. Мне не по себе.

На пустынной улице замечаю прохожего. В такую рань я очень редко встречаю кого-то у нас в окрестностях, а этот стоит под навесом, спиной ко мне. Но кроссовки на нем все те же – яркие, фирменные и дорогие. Такие здесь не носят.

Что-то щелкает в голове, когда он озирается и, увидев меня, делает вид, что подкуривает. Неумело так – не может справиться с ветром.

Вприпрыжку настигаю его и громко здороваюсь. Парень пытается отмахнуться, но я могу быть настойчивой.

– Что вам нужно? – спрашивает тот чересчур вежливо.

Я подпираю руками бока.

– Звони ему, – выдаю уверенно, хотя у самой от сомнений поджилки трясутся.

Я могу ошибаться. Рискую слишком много на себя взять. Горский может быть здесь совершенно ни при чем. Но почему-то же Лида ходит как в воду опущенная! Почему-то след ее жуткого дружка простыл!

Не верю до конца, когда требую у незнакомца набрать номер Никиты. Но опустившиеся плечи парня и рука, что достает из кармана телефон, доказывают – я права.

Глава 12

Никита

– Может быть, оставишь меня в покое? – слышу в динамиках требовательный голос.

Я делаю громче на руле и улыбаюсь. Раскусила даже быстрее, чем думал, но я бы в любом случае без защиты ее не оставил. Она, конечно, сильная, только, прежде всего, девчонка.

– Знаешь, – продолжает она болтать будто бы с издевкой, – я без тебя как-то справлялась раньше и сейчас справлюсь.

Я как раз выезжаю со двора в бассейн на тренировку. Мне некогда слушать ее, но я слушаю.

– Заметил, – отвечаю спокойно.

– Зачем ты это делаешь?

Голос Рады звучит нетерпеливо и даже сердито. Но за всем должен быть интерес. Иначе она бы не вела бессмысленную беседу, а просто послала меня.

– Если я это делаю, значит, причины есть.

– А подробнее?

Усмехаюсь, отвлекаясь опасный поворот. Разворачиваюсь и только после отвечаю по громкой связи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Рада Гаал – героиня фантастической повести «Обитаемый остров» братьев Стругацких

2

Имеется в виду песня «Ночь» исполнителя Горький

3

Кинодром – специально оборудованная территория, предназначенная для обучения специалистов-кинологов основам дрессировки и тренировки служебных собак

4

Зонарик – собака зонарного окраса (как у всех известных немецких овчарок)

5

ЦКС – Центр кинологической службы

Купить: https://tellnovel.com/ru/katya-sammer_/nyrnut-bez-ostatka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)